

На правах рукописи

Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна

**ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР БУРЯТ
ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ КИТАЯ:
ТРАДИЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ
(нач. XX в. – первая четверть XXI в.)**

Специальность 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Улан-Удэ

2025

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

**Научный
консультант:**

Дампилова Людмила Санжибоевна
доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела
литературоведения и фольклористики
Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Института монголоведения,
буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук

**Официальные
оппоненты:**

Кляус Владимир Леонидович
доктор филологических наук, заведующий
отделом фольклора Федерального
государственного бюджетного учреждения науки
Института мировой литературы им. А. М.
Горького Российской академии наук

Юша Жанна Монгеевна
доктор филологических наук, ведущий научный
сотрудник Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Музея
антропологии и этнографии им. Петра Великого
Российской академии наук

Михалев Максим Сергеевич
доктор исторических наук, профессор
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования Российского государственного
гуманитарного университета

Ведущая организация:

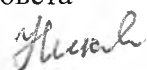
Федеральное государственное бюджетное
научное учреждение Уфимский федеральный
исследовательский центр Российской академии
наук

Защита диссертации состоится 23 мая 2025 г. в 10.00 ч. на заседании диссертационного совета 24.1.083.02 на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6. С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук и на сайте www.imbt.ru.

Автореферат разослан

« ____ » _____ 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
к.ф.н.

Николаева Наталья Никитична

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется потребностью современного российского общества в осмыслении своего духовного наследия, воплощенного в фольклорной традиции. Насущными и приоритетными для гуманитарной науки остаются вопросы изучения мировоззренческих аспектов этноса, его ментальных особенностей, традиционных ценностей и самобытного представления о прошлом, сосредоточенных в народной культуре и в ее наиболее выразительной части – фольклоре.

Актуальность исследования обосновывается необходимостью заполнить существующую лакуну в отечественной и мировой филологии – отсутствие исследований существенного массива жанров устной повествовательной прозы бурят, живущих на территории Внутренней Монголии КНР. Предпринятый в работе сопоставительный анализ фольклора локальной этнической группы, называемой шэнэхэнскими бурятами, и устной традиции российских бурят представляется также важным аспектом значимости диссертационного исследования для выявления общих истоков и трансмиссии фольклорного знания.

Кроме того, изучение устной фольклорной традиции тех или иных субэтнических групп важно для выявления общенационального фольклорного фонда, в связи с чем значение анализа и научной интерпретации собранного аутентичного полевого материала возрастает с каждым годом, поскольку традиционный фольклор стремительно исчезает в условиях глобализации.

Степень разработанности темы. Отдельные аспекты устной повествовательной прозы российских бурят затрагивались в трудах А. И.

Уланова¹, Н. О. Шаракшиновой², Е. В. Баранниковой³. Целенаправленно классификация и характеристика жанров несказочной прозы предприняты в работах В. Ш. Гунгарова⁴, Л. Ц. Малзуровой⁵, С. С. Бардахановой⁶, занимавшихся сбором и публикацией мифов, легенд, преданий, бытующих в этнической Бурятии и бурятских сомонах Монголии.

Начало изучения феномена шэнэхэнских бурят положено после ослабления пограничного режима между Россией и Китаем в начале 1990-х годов XX в., когда буряты Китая стали возвращаться на исконную родину. В этот период был организован ряд научных экспедиций Бурятского института общественных наук, переименованного в 1997 г. в Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН), Бурятского госуниверситета, других научных и культурных организаций с целью сбора фольклорного материала, сведений и данных по традиционной культуре, языку, быту и другим вопросам социально-культурологического характера шэнэхэнских бурят в Китае. Появилась возможность обратиться к неисследованной теме и ухватиться, по образному выражению М. С. Михалева, «за потенциально броский сюжет о затерянном бурятском рае, где жизнь течет как прежде и где былинная старина все еще актуальна»⁷.

По итогам экспедиций в Эвенкийский хошун Автономного района Внутренняя Монголия КНР (АРВМ КНР) составлены отчеты, обзоры, вышли различные статьи, в числе которых следует отметить результаты полевой

¹ Уланов А. И. Древний фольклор бурят / А. И. Уланов. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1974. – 176 с.

² Шаракшинова Н.О. Мифы бурят / Н. О. Шаракшинова. – Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1980. – 168 с.

³ Бурятские волшебные сказки / Сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. – С.10-28.

⁴ Гунгаров В. Ш. Буряад домогууд (Бурятские легенды) / В. Ш. Гунгаров. – Улаан-Удэ: СО РАН БНЦ-гэй хэблэл, 2004. – 108 н.

⁵ Малзурова Л. Ц. Жанровая специфика, типология бурятских легенд и преданий / Л. Ц. Малзурова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – 233 с.

⁶ Бардаханова С. С. Система жанров бурятского фольклора / С. С. Бардаханова. – Новосибирск: Наука, 1992. – 238 с.

⁷ Михалев М. С. [Искусство быть неассимилированным. Стратегии шэнэхэнских бурят в контексте российско-китайской границы](#) / М. С. Михалев // [Известия лаборатории древних технологий](#). – 2017. – Т. 13, № 4 (25). – С. 111.

работы Л. Б. Бадмаевой⁸, С. Ж. Балданова⁹, Э. Д. Дагбаева¹⁰ и др. Издан сборник научных статей, посвященных в целом особенностям такого исторического и социокультурного явления, как диаспора, и характеристике бурятского социума в Китае, в частности¹¹.

Т. Б. Цыденовой¹² проведен обзор публикаций о бурятах Китая, имеющих к моменту выхода её статьи. Она, наряду с указанием работ по миграционным процессам и проблемам диаспор в России, акцентирует внимание на исследованиях бурятских ученых, посвященных образовательному¹³, культурологическому¹⁴, социолингвистическому¹⁵ аспектам изучения бурятской диаспоры. Автором подчеркивается научная ценность работы Б. В. Базарова о лидере бурятской диаспоры в КНР Уржине Гармаеве «Генерал-лейтенант Маньчжоу-Го Уржин Гармаев»¹⁶. Не обошла вниманием Т. Б. Цыденова труды Бодонгут Абида, Токтохын Толто по истории шэнэхэнских бурят, опубликованные в Китае на старомонгольской письменности. Кроме этого, в статье нашли отражение материалы

⁸ Бадмаева Л. Б. Об особенностях языка шэнэхэнских бурят / Л. Б. Бадмаева // История и внешние связи бурятского языка. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – С. 17-19.

⁹ Балданов С. Ж. Бурятское зарубежье: иллюзии и реальность / С. Ж. Балданов // Локальные особенности бурятской этнической общины Внутренней Монголии КНР: материалы 1-й научной экспедиции НГИ. 2004 г. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2005. – С. 5-13.; Балданов С. Ж. Причины эмиграции бурят и их современное положение в Монголии и Китае / С. Ж. Балданов // Диаспоры в современном мире: материалы международного круглого стола. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. – С. 3-8.

¹⁰ Дагбаев Э. Д. Бурятская этническая идентичность: между традицией и модернизацией / Э. Д. Дагбаев // Вестник БГУ. – 2010. – № 6. – С. 134-141.

¹¹ Диаспоры в современном мире: материалы междунар. круглого стола. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2007. – 287 с.

¹² Цыденова Т. В. [Буряты Китая в российской историографии](#) / Т. В. Цыденова // [Вестник Бурятского государственного университета](#). – 2010. – № 8. – С. 255-260.

¹³ Актамов И. Г. Культурно-образовательная среда как фактор формирования экологической ответственности современных школьников (на материале Республики Бурятия и шэнэхэнских бурят АРВМ КНР): автореф. дис. ... к.пед. н.: 13.00.01 / И. Г. Актамов. – Улан-Удэ, 2007. – 23 с.

¹⁴ Бороноева Д. Ц. Динамика пространственно-временной локализации бурят Внутренней Монголии КНР (историко-культурологический анализ): дис. ... к.и.н.: 24.00.02 / Д. Ц. Бороноева. – Улан-Удэ, 2000. – 174 с.; Бороноева Д. Ц. Роль М. Н. Богданова в организации бурятской эмиграции во Внутреннюю Монголию / Д. Ц. Бороноева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2008. – № 7. – С. 31-35.

¹⁵ Шожоева Б. Д. Особенности языков этнических групп / Б. Д. Шожоева // Диаспоры в контексте современных этнокультурных и этносоциологических процессов. – Улан-Удэ. – 2006. – С. 121.

¹⁶ Базаров Б. В. Генерал-лейтенант Маньчжоу-Го Уржин Гармаев / Б. В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 37 с.

республиканской периодической печати, опубликованные в промежутке между 2004 и 2009 гг.

Широко и основательно рассмотрены вопросы социально-экономических факторов, повлиявших на процессы трансграничной миграции, интерпретации непростой истории китайских бурят в совместных статьях В. И. Дятлова и М. Н. Балдано¹⁷. Кроме того, теме миграции бурят в Китай и образованию локальной этнической общины посвящен ряд крупных статей М. Н. Балдано¹⁸. Автор считает границу решающим фактором возникновения, оформления и существования бурятского этнического анклава в Китае как «элемента монгольской историко-культурной общности, возникшей в результате трансграничных миграций» на протяжении большей части XX – начала XXI вв.

Д. Ц. Бороноевой впервые освещены причины эмиграции бурят в Китай, своеобразие образа жизни и идентичности бурятских мигрантов. В своей кандидатской диссертации «Динамика пространственно-временной локализации бурят Внутренней Монголии КНР (историко-культурологический анализ)»¹⁹ исследователь провела детальный анализ этнической самоидентификации шэнэхэнских бурят, выявила

¹⁷Балдано М. Н. Шэнэхэнские буряты: из диаспоры в диаспору? / М. Н. Балдано, В. И. Дятлов // Диаспоры. – 2008. – № 1. – С. 164-192; Балдано М. Н. Соотечественники: шэнэхэнские буряты в проекте «национально-культурного возрождения» / М. Н. Балдано, В. И. Дятлов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков. – Иркутск: Оттиск, 2010. – 640 с.; Балдано М. Н. Буряты Китая и Монголии в дискурсе «национального возрождения»: идея «собирания нации» / М. Н. Балдано, В. И. Дятлов // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX-XX и XX-XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2012. – С. 231-258; Балдано М. Н. Китайские мигранты в монгольском мире: сравнительный анализ / М. Н. Балдано, В. И. Дятлов // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2016. – Т. 18. – С. 123-132.

¹⁸ Балдано М. Н. [Соотечественники за рубежом: буряты в Монголии и Китае](#) / М. Н. Балдано // [Вестник Бурятского государственного университета](#). – 2012. – № S2. – С. 9-13; Балдано М. Н. Шэнэхэнские буряты: по ту и эту сторону границы / М. Н. Балдано // Вестник БГУ. – 2015. – № 7. – С. 52-59; Балдано М. Н. [Роль границы в судьбе шэнэхэнских бурят](#) / М. Н. Балдано // [Мир Большого Алтая](#). – 2017. – Т. 3. – № 3. – С. 437-449.

¹⁹ Бороноева Д. Ц. Динамика пространственно-временной локализации бурят Внутренней Монголии КНР (историко-культурологический анализ): дис. ... к.и.н: 24.00.02 / Д. Ц. Бороноева. – Улан-Удэ, 2000. – 174 с.

социокультурные факторы, способствующие сохранению традиционной культуры и религиозных верований китайских бурят.

Другой аспект истории шэнэхэнских бурят – социальная адаптация бурят-иммигрантов из КНР в российском обществе – раскрыт в кандидатской диссертации С. Н. Болдохонова²⁰. Диссертантом наряду с установлением факторов этнической идентификации шэнэхэнских бурят в Китае и в российском обществе, выявлено отношение данной группы к своей традиционной культуре, что позволило определить способы ее сохранения.

Отдельные аспекты истории возведения Шэнэхэнского дацана, являющегося духовно-религиозным центром мигрантов, особенности его архитектурного стиля, характеристика буддийской образовательной традиции отражены в статьях А. К. Хабдаевой²¹, Д. С. Жамсуевой²².

Этноязыковая ситуация в среде локальной этнической группы бурят в Китае охарактеризована в статьях Сыжэньдаолимы, В. М. Егодуровой²³; Г. А. Дырхеевой, Б. Д. Шожоевой²⁴.

Современные наработки по изучению характера интеграции шэнэхэнской общности в рыночную экономику и различные китайские государственные программы представлены в статьях историков, социологов, вышедших в свет за последние несколько лет. В целом в них отмечаются положительные сдвиги в экономической ситуации локальной группы шэнэхэнцев, равно как и в целом в АРВМ, связанные с мерами

²⁰ Болдохонов С. Н. Этническая идентификация бурят-иммигрантов из КНР в российском обществе: автореф. дис. ... к. соц. н.: 22.00.04 / С. Н. Болдохонов. – Улан-Удэ, 2011. – 22 с.

²¹ Хабдаева А. К. [Шэнэхэнский дацан Дамбадаржайлинг как культурно-исторический феномен \(по материалам экспедиции в г. Хулунбуир АРВМ КНР, июль-август 2017 года\)](#) / А. К. Хабдаева // [Вестник Калмыцкого университета](#). – 2018. – № 3 (39). – С. 180-187.

²² Жамсуева Д. С. Шэнэхэнский дацан: преемственность традиций бурятского культового зодчества / Д. С. Жамсуева // Монгол судлалын чуулган. – 2018. – С. 108–111.

²³ Сыжэньдаолима, Егодурова В. М. Русские заимствования в языке шэнэхэнских бурят как память о межэтнических отношениях / Сыжэньдаолима, В. М. Егодурова // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2018. – Вып. 2. – С. 10-18.

²⁴ Дырхеева Г. А., Шожоева Б. Д. Бурятский язык в условиях дву- и многоязычия: социолингвистический аспект / Г. А. Дырхеева, Б. Д. Шожоева // Бурятский язык в поликультурном пространстве (социолингвоисторическое исследование). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 42-96.

государственной поддержки по упорядочению производственной структуры и строительству инфраструктурных объектов. Д. Д. Бадараевым²⁵ на основе полевых исследований и статистических данных показана динамика ресурсного потенциала АРВМ, выявлена тенденция изменений кочевого скотоводства шэнэхэнцев в сторону стационарно-пастбищного.

В коллективной статье И. Г. Актамова, Д. Д. Бадараева, И. Д. Ван²⁶ сформулированы сценарии прогнозного развития АРВМ в контексте его участия в глобальных проектах, инициированных Китаем в последнее десятилетие. Интерес представляют выстроенные исследователями наиболее характерные модели существующей практики построения системы жизнеобеспечения в АРВМ КНР и факторы, которые могут оказывать влияние на экономические и социально-культурные процессы в регионе.

В. И. Дятлов и М. Н. Балдано, в работах которых разрабатываются миграционные процессы, в том числе история диаспоры шэнэхэнцев, полагают, что зажиточная, экономически успешная локальная группа бурят Китая в перспективе, возможно, подвергнется социальной и культурной эрозии в период роста материального благосостояния и появления новых профессиональных, социальных и культурных лифтов²⁷.

В докторской диссертации М. С. Михалева «Этнокультурные, этносоциальные и этнополитические проблемы в судьбе коренных народов российско-китайского трансграничья (конец XX – начало XXI вв.)»²⁸, посвященной исследованию духовного, социально-экономического и политического ресурса коренных малочисленных народов российско-

²⁵ Бадараев Д. Д. Номадизм в АРВМ КНР в условиях промышленного прессинга пастбищных территорий / Д. Д. Бадараев // Власть. История и археология. – 2016. – № 5. – С. 139-145.

²⁶ Актамов И. Г., Бадараев Д. Д., Ван И. Д. Система жизнеобеспечения Внутренней Монголии КНР: теоретическая модель и практическая реализация / И. Г. Актамов, Д. Д. Бадараев, И. Д. Ван // Социологическая наука и социальная практика. – 2021. – Т. 9, № 2. – С. 147-162.

²⁷ Дятлов В. И. [Шэнэхэнские буряты в эпоху "социалистической модернизации" в Китае](#) / В. И. Дятлов, М. Н. Балдано // [Восток. Афро-азиатские общества: история и современность](#). – 2024. – № 3. – С. 69-80.

²⁸ Михалев М. С. Этнокультурные, этносоциальные и этнополитические проблемы в судьбе коренных народов российско-китайского трансграничья (конец XX – начало XXI вв.): автореф. дис. ... д.и.н.: 07.00.07 / М. С. Михалев. – М., 2020. – 48 с.2020.

китайского трансграничья, определенное место отводится характеристике культурных традиций бурят Китая. Результаты экспедиций в АРВМ КНР, в ходе которых проведены в Шэнэхэне беседы, опросы, интервью, отражены в ряде его статей²⁹. Ученый отмечает хорошую сохранность хозяйственного комплекса шэнэхэнцев, крепость родственных и внутриэтнических связей, приверженность к традиционной системе ценностей. Современная религиозная ситуация среди шэнэхэнских бурят характеризуется, по его мнению, тем, что превалируют буддийские традиции, в то время как обращение к шаманам широко не практикуется. Описывая характер встречи нового года по лунному календарю *Сагаалгана* в Шэнэхэне в наши дни, исследователь пишет, что постепенно он подменяется безликими обрядами городской культуры, связанными с привязкой его даты к китайскому Фестивалю весны, что в свою очередь приводит к тому, что шэнэхэнские буряты, в целом неплохо сохранившие свою традиционную культуру, постепенно утрачивают традицию встречи Сагаалгана.

М. С. Михалев в своей докторской диссертации еще приводит синопсис публикаций о бурятах, изданных в Китае. Автор констатирует, что в рассмотренных единичных работах вместе с тем отсутствует анализ взаимодействия бурят АРВМ с «соплеменниками, проживающими за рубежом». Это связано, по его мнению, с тем, что «китайские антропологи до сих пор предпочитают рассматривать коренные малочисленные народы своей страны, проживающие в российско-китайском трансграничном пространстве, в отрыве от самого фактора государственной границы».

²⁹ Михалев М. С. [Искусство быть неассимилированным. Стратегии шэнэхэнских бурят в контексте российско-китайской границы](#) / М. С. Михалев // [Известия лаборатории древних технологий](#). – 2017. – Т. 13, № 4 (25). – С. 108-120; Михалев М. С. [О социальной подоплеке ревитализации шаманизма в современных условиях \(на примере бурят Китая\)](#) / М. С. Михалев // [Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН](#). – 2016. – Т. 9, № 3 (25). – С. 74-82; Михалев М. С. [Празднование сагаалгана у бурят России и Китая: социально-политическое измерение народного праздника](#) / М. С. Михалев // [Традиционная культура](#). – 2018. – Т. 19, № 1. – С. 40-51; Михалев М. С. Хранители традиций: «Культурная» миграция и ее особенности / М. С. Михалев // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. – Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. – С. 321.

К работам, написанным о бурятах Китая и опубликованным в Хайларе, относится ряд исторических очерков и статей: Бодонгууд Абида «Буряад-монголой тобшо түүхэ» («Краткая история бурят-монголов») [1983]; его же «Дамбадаржийлинг (Шэнэхээн) сүмын тобшо түүхэ» («Краткая история (Шэнэхэнского) дацана Дамбадаржийлинг») [1990]; Бодонгууд Абида, З. Болод, Б. Димчиг, С. Лхама-Сурэн «Шэнэхээнэй буряадуудай ойрын түүхын тоймо» («Обзор истории шэнэхэнских бурят из недалекого прошлого») [1985]. В них отражены исторические факты о переселении бурят во Внутреннюю Монголию в начале XX в.; расселение, административное устройство, хозяйственный уклад шэнэхэнцев в Хулун-Буире; драматические события, связанные с японской интервенцией 1931-1932 гг., исход бурят в южные районы Внутренней Монголии; общие характеристики традиций и верований шэнэхэнцев.

Представляют интерес опубликованные в Улан-Удэ книги, авторы которых являются выходцами из Шэнэхэна: С. Батожаргалай «Заяанаймнай заншал» («Вековые наши обычаи») [1989]; С. Санжаа-Ешын «Шэнэхээн соёлой ундарал» («Истоки культуры шэнэхэнцев») [2013].

Таким образом, в российской историографии прослеживается несколько направлений изучения процессов трансграничной миграции, социально-экономического развития, материальной культуры и особенностей языка бурят Китая, представленных в диссертационных работах и статьях историков, этнологов, культурологов, социологов и лингвистов. Между тем, остается поле для научного осмысления фольклорной традиции шэнэхэнских бурят, еще не ставшей предметом научного исследования.

В отечественной фольклористике в последние десятилетия объектом исследования отдельных специалистов становится локальный фольклор зарубежной диаспоры. В трудах В. Л. Кляуса³⁰, основанных на многолетних

³⁰ Кляус В. Л. Русский фольклор на сопках Маньчжурии. Исследования, тексты, комментарии / В. Л. Кляус. – М.: ИМЛИ РАН, 2022. – 816 с.

полевых исследованиях, разрабатываются вопросы фольклорной традиции русской диаспоры в Китае, Австралии, Монголии; этнокультурные стратегии сохранения русской идентичности, основу которой составляют жанры устного творчества. Современному бытованию русского фольклора в среде русскоязычных потомков в Северо-Восточном Китае, анклавной традиции переселенцев с территории Забайкалья посвящены работы А. А. Забияко³¹, А. П. Забияко³², Ю. В. Аргудяевой³³, Чжан Жуяна³⁴.

Глубокое исследование традиционной культуры и обрядового фольклора тувинцев, проживающих в Китае, впервые осуществила Ж. М. Юша в докторской диссертации «Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: структура, семантика, прагматика»³⁵. По результатам полевых исследований отдельные аспекты духовной культуры, языка тувинцев Китая освещены и в ряде статей М. В. Монгуш³⁶.

Кляус В. Л. «Русское Трехречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры / В. Л. Кляус. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 382 с.

Русские старожилы Монголии в воспоминаниях, очерках и фотографиях / Сост. Д. Б. Сундуева, В. Л. Кляус. – М.: ИМЛИ РАН, 2024. – 136 с.

Кляус В. Л. [Русский фольклор на китайском языке: опыт полевого исследования в Трехречье](#) / В. Л. Кляус, А. А. Острогская // [Традиционная культура](#). – 2014. – № 4 (56). – С. 41-50.

³¹ Забияко А. А. Фольклор русскоязычной диаспоры Трехречья как основа сохранения этничности / А. А. Забияко, А. П. Забияко, Я. В. Зиненко, Чжан Жуян // Известия Иркутского государственного университета. – 2016. – Т. 17. – С. 109–125; Забияко А. А. Русские Трехречья: фольклор как основа сохранения идентичности в китайской среде / А. А. Забияко, А. П. Забияко // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 2. – С. 160–172.

³² Забияко А. П. Русские Трехречья: основы этнической самобытности: монография / А. П. Забияко А. А. Забияко. Новосибирск, 2017. – 350 с.; Забияко А. П. История поколений русско-китайских семей в меморатах Трехречья / А.П. Забияко, А.А. Забияко // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 1(54). – С. 65–74.

³³ Аргудяева Ю. В. Русские старообрядцы в Маньчжурии / Ю. В. Аргудяева. – Владивосток, 2008. – 400 с.; Аргудяева Ю. В. Русские казаки в Трехречье (первая половина XX в.) / Ю. В. Аргудяева. – Благовещенск, 2016. – 480 с.

³⁴ Чжан Жуян. Фольклор русских Трехречья как основа этнической идентичности (по материалам полевых исследования 2015-2019 гг.): автореф. дис. ... к.фил.н.: 10.01.09 / Чжан Жуян. – Благовещенск, 2019. – 23 с.

³⁵ Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: структура, семантика, прагматика: автореф. дис. ... д. фил.н.: 10.01.09 / Ж. М. Юша. – Новосибирск, 2017. – 434 с.

³⁶ Монгуш М. В. [Этнокультурные процессы у тувинцев Монголии и Китая](#) / М. В. Монгуш // [Этнографическое обозрение](#). – 2005. – № 4. – С. 86; Монгуш М. В. [У тувинцев Синьцзяна: двадцать лет спустя](#) / М. В. Монгуш // [Новые исследования Тувы](#). – 2012. – № 4. – С. 130-147.

М. М. Паштовой защищена докторская диссертация по фольклору черкесов в Турции «Фольклор черкесской диаспоры: локализация традиции, функциональность текстов»³⁷. Общетеоретические вопросы функционирования фольклора в этнических анклавах за рубежом отражены в статьях З. Д. Джапуа (абхазского в Турции)³⁸, публикации Д. В. Сокаевой (осетинского в Турции)³⁹.

В целом, тематика, связанная с проблемой этнических диаспор, становится все более актуальной для отечественной науки, поскольку судьбы разделенных и разбросанных волей обстоятельств народов во многом зависят от того, как будут складываться отношения в новых условиях между представителями национальной диаспоры и титульным населением.

Остается большое пространство для исследования комплекса проблем функционирования фольклора этнических общностей вне ареала расселения своего народа. Предпринятое в диссертации исследование фольклорной традиции бурят Китая в иноэтнической среде позволит приблизиться к научному осмыслению вопросов изменчивости/устойчивости, в целом эволюции устной традиции анклавных социумов.

Объектом исследования выступает устная повествовательная проза (сказки, мифологические нарративы, легенды, предания, устные рассказы) локальной этнической группы бурят, компактно проживающих в Автономном районе Внутренняя Монголия Китая (АРВМ КНР), и российских бурят.

Предмет исследования – традиция и эволюция повествовательного фольклора бурят Внутренней Монголии Китая.

³⁷ Паштова М. М. Фольклор черкесской диаспоры: локализация традиции, функциональность текстов: дис. ... д.фил.н.: 10.01.09 / М. М. Паштова. – Майкоп, 2021. – 387 с.

³⁸ Джапуа З. Д., Какоба А. П. Нартский эпос в абхазской диаспоре Турции / З. Д. Джапуа, А. П. Какоба // В сб. Эпос единения и дружбы. Матер. междунар. науч. конференции. – Нальчик, 2013. – С. 77-90; Джапуа З. Д. Абхазская диаспора Турции: история полевых исследований / З. Д. Джапуа // В сб.: Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка. Матер. междунар. науч.-практ. конференции памяти М.И. Мижаева. – Архыз, 2015. – С. 98-115.

³⁹ Фольклор анатолийских осетин: Сб. фольклорных текстов / Сост., авторы переводов Д. В. Сокаева, Е. Б. Дзапарова. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2015. – 80 с.

В диссертации поставлена **цель** – определить характер и специфику бытования бурятского повествовательного фольклора в условиях диаспоры; выявить сохранность и эволюцию традиции.

В соответствии с поставленной целью определены следующие **задачи**:

1. представить основные аспекты этнокультурной традиции бурятской диаспоры в Китае;
2. охарактеризовать сюжетно-мотивный фонд шэнэхэнских сказок;
3. на основе классификации жанрового состава несказочной прозы китайских бурят выявить универсальное и отличительное с материнской традицией;
4. обосновать необходимость выделения устных рассказов бурятских мигрантов в отдельную разновидность несказочной прозы;
5. определить влияние иноэтнического окружения на фольклор бурят Внутренней Монголии КНР.

Материал исследования. Основу анализа, представленного в диссертационной работе, составили тексты устной повествовательной прозы, собранные соискателем в период полевых исследований в 2010, 2011, 2012, 2014, 2018 гг. в Хулун-Буирском городском округе Эвенкийского хошуна Автономного района Внутренняя Монголия Китая по всем жанрам устного творчества, включая фрагменты героического эпоса, сказки, несказочную прозу, песни, малые жанры.

Рассмотрены и проанализированы сорок восемь бурятских сказок с волшебным, героическим, бытовым сюжетом и сорок пять устных рассказов, изданных автором в трех книгах: «Фольклор шэнэхэнских бурят»; «Фольклор бурят Внутренней Монголии. Сказки»; «Фольклор бурят Внутренней Монголии КНР. Устные рассказы». Кроме того, использовано шестнадцать неопубликованных текстов несказочной прозы бурят Китая, которые приведены с переводом на русский язык в Приложении к диссертации на 67 страницах. Эти неизданные записи экспедиционного материала хранятся в

Общем архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (инв. № 2914).

Для сравнительного анализа привлекаются в работе архивные источники, опубликованные тексты устной прозы российских бурят, современные записи полевых исследований, проведенных в местах проживания хоринских бурят (Агинский Бурятский автономный округ Забайкальского края, Еравнинский, Кижингинский, Хоринский районы Бурятии).

Методология и методы исследования. Методологическую базу диссертационной работы составляет системно-филологический подход к изучению фольклора, разработанный в трудах классиков отечественной фольклористики А. М. Веселовского, В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, Б. Н. Путилова, С. Ю. Неклюдова и др.

При определении жанров сказочной прозы автор в своем исследовании опирается на теоретико-методологические положения, выработанные в фундаментальных работах С. Н. Азбелева, В. П. Аникина, К. В. Чистова, Н. А. Криничной, И. З. Ярневского.

При оценке фольклорной анклавной традиции важное концептуальное значение имеют научные изыскания В. Л. Кляуса, Ж. М. Юши, М. С. Михалева, М. М. Паштовой, З. Д. Джапуа, А.А. Забияко, А.П. Забияко, Ю. В. Аргудяевой.

В диссертации автор также основывается на исследованиях отечественных специалистов по фольклору, традиционной культуре, этнографии бурят и монголоязычных народов: А. И. Уланова, Е. В. Баранниковой, С. С. Бардахановой, Н. О. Шаракшиновой, В. Ш. Гунгарова, М. И. Тулохонова, Е. Н. Кузьминой, Л. С. Дампиловой, К. М. Герасимовой, Г. Р. Галдановой, К. Д. Басоевой, Е. Э. Хабуновой, Т. Г. Басанговой, Э. П. Бакаевой, А. А. Бурыкина, Ц. Б. Селеевой и др.

Применены актуальные методики сбора и обработки фольклорного материала; общенаучные методы сравнительного анализа собранных в АВРМ КНР экспедиционных записей с материалом, имеющимся в материнской традиции.

Работа основана на традиционных методах классификации и систематизации текстового материала на основе его устойчивых и изменчивых признаков. Использование метода синхронно-диахронного анализа позволило исследовать процесс бытования и эволюции традиционных жанров бурятского фольклора в исторической динамике и в различных синхронных срезах.

Изучение собранного в Шэнэхэне материала с помощью структурно-семиотического, морфологического и прагматического методов способствовало выявлению сходных мотивов и сюжетов, установлению общих и локальных особенностей сказок и несказочной прозы в контексте материнской традиции.

Посредством метода полевых исследований и включенного наблюдения накоплена информация по истории и этнокультуре шэнэхэнцев для решения проблемы социализации и инкультурации мигрантов в принимающем обществе. Обращение к герменевтическому методу позволило интерпретировать сюжеты легенд, преданий, устных рассказов в контексте мировоззрения народа, его традиций и повседневной жизни.

Научную новизну диссертационного исследования составляют выявление устойчивых элементов традиции и определение характера эволюции в повествовательном фольклоре бурят Внутренней Монголии Китая.

На основе введенных в научный оборот автором диссертации текстов устной повествовательной прозы китайских бурят впервые:

охарактеризован сюжетно-мотивный фонд сказочной прозы бурят Внутренней Монголии;

проведена тематическая классификация жанров несказочной прозы, бытующей в бурятской этнической среде за рубежом;

теоретически обоснована самостоятельность устных рассказов бурятских мигрантов как отдельной разновидности несказочной прозы;

установлены общие параллели и совпадения в фольклорных и этнокультурных традициях шэнэхэнских и российских бурят, вскрыты локальные особенности устной прозы китайских бурят.

Теоретическая значимость исследования обоснована недостаточным освещением проблемы бытования традиционных жанров бурятского фольклора в пространстве и времени. Обращение автора к традиционному фольклору бурят Внутренней Монголии, характеристика его жанрового состава, семантики, функциональной направленности развивают существующие знания об общепурятской повествовательной устной традиции. На основе анализа различных видов мифологической прозы, легенд, преданий, устных рассказов предложена собственная классификация несказочной прозы китайских бурят. Основные положения и выводы диссертационной работы позволяют существенно углубить представления о сюжетно-мотивном фонде и жанровой системе сказок, несказочной прозы, специфике устной повествовательной традиции бурятского этнического анклава в Китае. Полученные результаты могут стать базой для дальнейших научных изысканий в области фольклора и этнокультуры монгольских народов; обобщающих трудов по вербальной, обрядовой культуре других этносов. Выводы исследования расширяют представление о современном бытовании повествовательной прозы бурят в поликультурном пространстве. Установленные в диссертации факты сохранности, модификации, эволюции фольклорной традиции в иноэтническом окружении позволяют заключить о репрезентации нового взгляда на изучение анклавной традиции диаспор.

Практическая значимость результатов диссертации. Полученные результаты будут полезны в деле сохранения и передачи культурного

наследия, популяризации ценностей традиционной культуры. Они могут быть внедрены в практическую деятельность по возрождению интереса и уважительного отношения к культурному многообразию этносов, населяющих трансграничное пространство. Итоги и обобщения исследования могут быть востребованы для разработки лекционных курсов по фольклору и традиционной культуре монгольских народов; в составлении сюжетно-мотивных указателей устной повествовательной прозы. Неопубликованные тексты несказочной прозы бурят Внутренней Монголии Китая, используемые в диссертации, предполагается включить в корпус тома «Несказочная проза бурят» для академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» как достоверные источники живого бытования фольклора.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

В своей работе мы рассматриваем повествовательный фольклор бурят Китая как результат живого процесса функционирования жанров устной прозы в локальной среде на протяжении более чем ста лет. При этом выявляем те фольклорные формы, для которых характерна наибольшая сохранность и устойчивость, обусловленная общностью с материнской традицией, с одной стороны. С другой, отслеживаем динамику развития фольклора в бурятском этническом анклаве Китая, изменения в его сюжетно-мотивном содержании.

Под материнской традицией подразумевается исторически сложившаяся и передаваемая из поколения в поколение исходная общепурятская традиция, под анклавной – переселенческая традиция. Материнская традиция, являясь первичной по отношению к локальной традиции, сформировавшейся в замкнутом ареале расселения отдельной общности в отрыве от основного этноса, служит в нашей работе основой для сравнения шэнэхэнских записей устного творчества с общепурятскими фольклорными текстами.

1. Китайские/шэнэхэнские буряты – это субэтническая группа хоринских бурят, в подавляющем большинстве выходцев из Забайкальского края и восточных районов Бурятии, эмигрировавшая в Китай в силу ряда исторических обстоятельств. Локальную группу бурят в Китае отличает компактность проживания в полиэтническом пространстве; общность происхождения; принадлежность к хори-бурятской родоплеменной структуре; общая духовно-материальная культура, исповедуемая религия – буддизм.
2. Для сказочной традиции бурят Внутренней Монголии и российских бурят характерна схожесть сюжетно-мотивного фонда и персонажного ряда в волшебных, бытовых, новеллистических сказках, что свидетельствует о единой жанровой системе бурятской сказки.
3. В мифо-фольклорной традиции китайских бурят преобладают сюжеты, презентующие определенные представления человека для выстраивания гармоничного сосуществования с окружающей природой. Записанные в Шэнэхэне произведения отличаются сохранностью более архаичных традиционных мифологических сюжетов, дошедших до наших дней в виде самостоятельных мифологических нарративов, в отличие от хоринской материнской традиции, где они обнаруживаются в составе сюжетов героического эпоса и волшебных сказок.
4. Общностью с материнской традицией характеризуются сюжеты шэнэхэнских легенд о представителях шаманского культа, буддийских священнослужителях, их вражде за отстаивание своих конфессиональных предпочтений; о демонстрации необычных шаманских способностей; о людях с небывалой физической силой. Самобытными чертами отличаются топонимические легенды, которые повествуют о географических названиях отдельных гор и рек Шэнэхэна, переименованных переселенцами взамен прежних, тем самым бурятами была предпринята попытка маркировать и идентифицировать местные ландшафтные объекты как свои, родственные.

5. В преданиях бурят Китая историческая тематика отражается в ее народной интерпретации. Шэнэхэнцы, обобщая значительные события, ключевые, знаковые моменты из того, что было в общей истории этноса, пропускали достоверный материал сквозь призму своего восприятия и миропонимания, в связи с чем в отдельных преданиях ими разрабатывается болезненная тема дисперсного проживания бурят.

6. Феномен бытования устной вербальной культуры бурят Внутренней Монголии может быть показателем развития и эволюции сказочной прозы в условиях, когда традиционные жанры фольклора постепенно уходят на периферию фольклорной традиции, на передний план выступает традиция исполнения устных рассказов об относительно недавней истории локальной группы бурят. Эта ситуация основана на стратегии выживания и сохранения своей идентичности в инонациональном окружении. Живое состояние фольклорного процесса способствует трансляции истории этноса как в масштабах личности, одной семьи, так и в целом диаспоры.

7. Незначительное изменение фольклорного репертуара китайских бурят и локальные отличия в разработке отдельных сюжетов, мотивов шэнэхэнской сказочной и сказочной прозы связаны с влиянием иноэтнических и родственных культур, что можно расценить как фактор, стимулирующий эволюцию их повествовательного фольклора. В то же время, анклавность повлияла на устойчивость, сохранность жанровой системы метропольной традиции в фольклоре бурят Внутренней Монголии, для которых вплоть до 90-ых гг. XX столетия был характерен замкнутый образ жизни.

Степень достоверности и апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены в выступлениях на научных конференциях, симпозиумах, семинарах в гг. Кызыл (2024); Москва (2016, 2019, 2023); Новосибирск (2021); Санкт-Петербург (2017, 2021); Элиста (2019, 2023); Улан-Батор (2014, 2015, 2017, 2018, 2019, 2020, 2024); Улан-Удэ (2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023).

По теме исследования опубликованы 63 научные работы, в том числе 24 статьи в журналах, включенных в перечень ВАК; 10 статей в изданиях, индексируемых в базах данных Scopus, Web of Science; 3 сборника фольклорных материалов, собранных во Внутренней Монголии Китая; 1 раздел в коллективной монографии.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения; пяти глав, включающих несколько отдельных параграфов каждая; заключения; списка источников и литературы; перечня сокращений. Общий объем диссертации с приложениями 434 с.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы диссертации; охарактеризована степень изученности проблемы; сформулированы цель и задачи работы; определены объект и предмет исследования, его источниковая база, теоретико-методологические основы; раскрыта научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов; представлены выносимые на защиту основные положения диссертации; даны сведения об апробации и структуре диссертации.

Глава I. «Субэтническая группа бурят Внутренней Монголии Китая: формирование локальной общности и этапы ее развития»

В разделе I.I. «Исход бурят в сопредельное государство» раскрываются основные причины миграции бурят в несколько этапов в приграничные северо-восточные районы Китая: угрозы вытеснения с родовых земель, связанные с земельной и административной реформой 1900-1901 гг.; первые обострения на межнациональной основе еще после революции 1905–1907 гг.; революция, гражданская война, начавшаяся в СССР кампания по коллективизации сельского хозяйства, в ходе которой часто применялись принудительные меры, преследования духовенства, репрессии, которые в совокупности создавали в обществе обстановку

неопределённости и нестабильности. Исходу бурят способствовали и проводимые в России реформы начала XX в., упразднение степных дум в Забайкалье и последующие политические катаклизмы в истории нашей страны. Еще одной из главных причин миграции бурят в район Хулун-Буира заключалась в выборе территории, благоприятной для ведения кочевого пастбищного скотоводства.

В итоге в составе беженцев были состоятельные люди с большим количеством скота и хорошим достатком; небольшая часть интеллигенции и ламаистского духовенства; основную их массу составляли скотоводы-кочевники, стремившиеся к лучшим земельным угодиям для разведения и сохранения поголовья домашних животных. В результате из конгломерата разных родовых общин и отдельных беженцев сформировалась единая группа с четкой внутренней организацией, системой власти, контроля, санкций, с минимальной открытостью принимающему обществу.

Приток новых мигрантов, связанный с началом коллективизации в СССР, продолжался до 1933 г. С началом японской оккупации и образованием Маньчжоу-Го (1932–1945) миграция почти полностью прекратилась, связь с исторической родиной надолго оборвалась.

Раздел **I.2. «Расселение, этнический состав, численность бурят Китая»** содержит краткие сведения историко-этнографического характера о численном и этническом составе китайских бурят. Бурятский этнический локус в Китае территориально сконцентрирован в Эвенкийском хошуне городского округа Хулун-Буир Автономного района Внутренняя Монголия Китая.

После реорганизации Шэнэхэнского сомона, образованного в 1948 г., были созданы сомоны *Шэнэхээн Баруун* «Шэнэхэн Западный», *Шэнэхээн Зүүн* «Шэнэхэн Восточный», *Мүнгэн Шулуун* «Мунгэн Шулун». В Шэнэхэне живут потомки всех одиннадцати хоринских родов: *батнай/батанай*, *бодонгууд*, *галзууд*, *гушад*, *сагаан*, *хальбин*, *харгана*, *хуасай*, *хүбдүүд*, *худай*,

шарайд. Немногочисленные переселенцы из числа баргузинских, селенгинских бурят и представители некоторых других бурятских этнических общностей ассимилировались с истечением времени с преобладающей хори-бурятской родоплеменной группой.

Численность бурят в Китае в данное время составляет около 7 тысяч человек; по данным социологов, точное их количество – 6441. В переписи населения КНР 2010 г. носители бурятского языка не выделяются из состава монголов Китая, одной из 56 официально признанных национальностей.

Материал о контактах бурятских мигрантов с русскими переселенцами в основном из Забайкалья представлен в разделе **I.3. «Шэнэхэнцы и русские мигранты»**. В Хулун-Буире совместно проживали, наряду с местным аборигенным населением, прибывшие из России буряты и русские, поддерживавшие особо теплые отношения как соотечественники. В 1920–1930-е гг. Маньчжурия стала второй родиной для россиян, бежавших в Китай после поражения Белого движения, для уходивших от репрессий, коллективизации, религиозных преследований, в числе которых были казаки, крестьяне, купечество, предприниматели, старообрядцы. Отдельно пришли буряты и русские, служившие у атамана Семенова. Примечательно, что шэнэхэнские буряты преклонного возраста, прожившие длительный период в отрыве от основного этноса, употребляют до сих пор в быту русские слова.

Характерные особенности реиммиграционного процесса рассмотрены в разделе **I.4. «Реэмигранты в России»**, который начался с периода, когда открылась граница между Россией и Китаем в начале 90-х гг. XX в., и появилась возможность контактов между разделенными частями бурятского этноса. Если в советский период явился для бурят Внутренней Монголии временем отсутствия каких-либо контактов с Родиной (особенно начиная с середины 30-х годов XX в.), ибо официальная власть страны исхода, наложив на представителей этого сообщества «клеймо» врагов народа, панмонголистов, преследовала и запрещала установление каких-либо связей

с ними, то к середине 1993 г. в Республику Бурятия и в Агинский автономный бурятский округ переселилось около 300 шэнэхэнских бурят. Однако процесс этот не стал массовым: многие буряты считают своей родиной Шэнэхэн и покидать её не собираются. Кроме того, Россия не способствует возвращению шэнэхэнцев на родину предков. Одним из главных препятствий на пути инкорпорации китайских бурят в российское общество, по мнению ученых-историков, является определенный регламент требований федерального закона, в частности, необходимо проживание по виду на жительство на территории РФ на протяжении 5 лет непрерывно; нужно обязательно иметь законный источник средств к существованию; отказаться от гражданства КНР; владеть русским языком. В итоге интеграция в российское общество, плодотворное взаимодействие китайских бурят с принимающей стороной не получили широкого развития.

Говоря о жизни шэнэхэнцев в современных условиях в разделе **I.5. «Шэнэхэнцы сегодня»**, сделаны следующие выводы: она характеризуется определенной степенью социальной, территориальной мобильности. У молодежи есть возможность выбирать свой путь без оглядки на внешние факторы. Экономические свободы и частная собственность, возможность вести собственное хозяйство – все это в условиях рыночной экономики разрушает замкнутость и самоизоляцию этнического локуса в Китае. Формируются новые возможности и перспективы, связанные с городской культурой. Получившие образование в вузах Китая буряты заняты в медицине, здравоохранении, образовании, культуре.

Проанализировав языковую ситуацию в бурятском этническом анклав в разделе **I.6. «Языковая ситуация»**, автор резюмирует: бурятский язык для этнической группы бурят Внутренней Монголии остается языком семейного, бытового общения. Несмотря на неизбежный процесс монголизации языка, связанный с обучением детей на родственном монгольском языке, все же родной язык для них является одной из приоритетных составляющих

традиционной культуры народа. Вместе с тем наблюдается бурятско-китайское двуязычие молодого поколения как результат межэтнических контактов и коммуникативной активности. В заключении первой главы содержатся основные выводы:

Бурятская община существенно отличалась от своего окружения в поликультурном пространстве своим замкнутым укладом жизни, социально-культурной изолированностью от титульной нации, сохранив прежнюю структуру и характер хозяйствования до переселения.

Шэнэхэнцы испытали на себе все перипетии внутригосударственных политических процессов, происходивших в Китае в 30–60-е годы XX столетия. Сходство языка, религии, общность старомонгольской письменности с другими группами монголов АРВМ способствовали к ускоренной адаптации к культурно-образовательному пространству шэнэхэнских бурят.

Абсолютно новая модель взаимоотношений мигрантов со страной происхождения выстраивается в 90-е гг. прошлого века, когда меняются отношения с приграничными с Россией государствами. В этот период появляются первые репатрианты в Бурятии и Забайкальском крае.

Если буряты в первые годы эмиграции свой статус воспринимали как временный и глубоко верили в свое возвращение после стабилизации ситуации на Родине, то в наши дни шэнэхэнцы в третьем поколении, их дети и внуки считают своей родиной Шэнэхэн, всецело интегрируясь в культуру и экономику Китая.

В главе II. «Духовная культура и верования шэнэхэнских бурят» рассматриваются этнокультурные традиции и семейные обряды бурят Внутренней Монголии; охарактеризована роль буддийского храма шэнэхэнцев как детерминанты, обеспечивавшей для первого поколения переселенцев связь с исторической родиной, и как консолидирующего,

культурно-религиозного центра локальной этнической общности бурят в Китае в целом.

Выявлено, что в системе стереотипов, правил поведения, культурных канонов и мировоззренческих установок шэнэхэнских бурят приоритет отдается традиционным семейным ценностям, в соответствии с которыми прививали детям такие качества, как почитание родителей; уважительное отношение к старшим; внутренняя уравновешенность, выдержанность, трудолюбие; милосердие к немощным.

Из семейнобытовых обрядов шэнэхэнцы и в наши дни придерживаются проведения свадьбы в традиционном духе. Все этапы родильной обрядности совпадают с традицией обрядности хоринских бурят. И похоронные обряды китайских бурят, являясь наиболее консервативной частью обрядов жизненного цикла, исполняются с соблюдением буддийских обрядов, как у российских хори-бурят, за исключением правила захоронения головой на северную сторону. Структура и вербальная часть семейных обрядов китайских бурят отличается наибольшей сохранностью и полнотой.

Глава III. «Сказочная проза бурят Внутренней Монголии: инерция и трансляция» посвящена подробному рассмотрению сказок, записанных во Внутренней Монголии, обозначенных как шэнэхэнские сказки, бытующих именно в живом устном исполнении в аутентичном варианте с сохранением традиционной структуры, образных клише, ярких фразеологических оборотов. В активе шэнэхэнских знатоков фольклора представлены все разновидности сказок – богатырские, волшебные, новеллистические, бытовые, кумулятивные.

В разделе **III.2. «Богатырские сказки бурят Китая и эпос хори-бурят»** выдвинуто предположение, что бытовавшая раньше у хори-бурят устная традиция исполнения улигеров с истечением длительного времени стала трансформироваться в повествования отдельных эпизодов о богатырских деяниях героев в сказочном изложении. Поэтому

целенаправленно поставлена задача проследить сохранность сюжетов и мотивов хори-бурятской улигерной традиции в богатырских сказках бурят Внутренней Монголии. Преемственность традиции проявляется в устойчивости в сказках шэнэхэнцев с героическим содержанием ключевых смысловых и структурных доминант хоринских улигеров: сюжетная линия, развивающаяся вокруг описания героических действий персонажа; сюжетообразующие мотивы и наличие традиционных формульных выражений с подробным описанием важнейших атрибутов богатырского героя. Отмеченные несущественные различия сводятся к своеобразной реализации элементов сюжета и некоторых мотивов. Они продиктованы редукцией больших эпических полотен в сторону сужения и сокращения; возможно, и разными исполнительскими возможностями носителей традиции.

Таким образом, обнаруженные в сюжетике волшебных сказок повествования героического содержания – богатырские сказки представляют собой продукт прозаического изложения укороченных улигерных сюжетов с сохранением эпического характера повествования. Сделан вывод о взаимопроникновении жанров эпоса и сказочной прозы внутри одной родственной фольклорной культуры.

В разделе **III.3. «Сюжетные линии шэнэхэнских сказок»** анализируются типичные сюжеты волшебных, бытовых, новеллистических сказок, бытующих в среде бурят Внутренней Монголии. Сюжеты некоторых из них основаны на архаических элементах, отражающих борьбу героя с фантастическими персонажами, олицетворяющими темные и враждебные силы, в то время как сказки с социальным конфликтом построены на взаимоотношениях в семье, вражде братьев, повествуют о коварстве и зависти старших братьев, о борьбе против социальных врагов – ханов, богачей и т. д.

Сюжетную основу волшебных сказок, объединенных по функции основного действующего лица, составляют традиционные для общепобурятской сказки звенья: отправление для выполнения трудных заданий, пространственное перемещение и связанные с этим события; поиск, спасение от вредителей; состязания и победа. С помощью волшебных предметов, превращающихся во время погони за ним в преграды, герой избавляется от вредителей. Поступки главного героя завершаются победой над *мангадхаем*, погубившим отца героя, спасением дочерей птицы *гаруди* и получением вознаграждения за оказанное благодеяние. Традиционно присутствует змеборческая тема: спасение от змея девушки; нарушение условия змея, когда герой своей хитростью избегает наказания. В скаках с обрамленными сюжетами преподается урок морально-этического порядка.

Выявлены в сказочной традиции шэнэхэнцев популярные сюжеты и мотивы, восходящие к древнеиндийским и тибетским письменным источникам, проникшим в Забайкалье вместе с буддизмом начиная с XVIII в. В рамках подобных сюжетов, переработанных и адаптированных местными исполнителями устной прозы, разрабатываются сказочные эпизоды нравоучительного, дидактического характера.

Проанализированный материал по сказочной прозе бурят Китая ярко демонстрирует совпадения и схождения в разработке традиционных сюжетов волшебной, бытовой, новеллистической, кумулятивной сказки и в шэнэхэнской, и в материнской традиции. Большинству вариантов рассмотренных сказок характерна общая жанровая типология со сказками, бытующими у хори-бурят.

Сюжетно-тематический фонд сказок, записанных в Шэнэхэне, отличается разнообразием, полнотой текстов, художественными достоинствами. Необходимо подчеркнуть собственно повествовательную традицию бурят, проживающих в Китае: развернутость сюжетных рядов, детальное описание эпизодических для развития события моментов,

насыщенная выразительность поэтических формул, изобразительных средств, наличие в большом объеме исконно бурятской лексики, вышедшей из активного употребления бурятами, проживающими в России.

В разделе **III.4. «Реализация мотивных единиц в сюжетах сказок»** выявляются основные мотивы и особенности их реализации в проанализированных шэнэхэнских сказках в сравнении с материнской традицией. Обобщив трактовки термина «мотив» в работах исследователей, исходим из установки, что мотив является минимальной устойчивой единицей текста, необходимым компонентом сюжета, выполняющим определенную функцию в его развитии и имеющим свою семантику при реализации повествовательной канвы сказки в рамках традиции.

Большое количество мотивов в нашем материале служат сюжетообразующими элементами волшебной сказки. Следует подчеркнуть, что набор относительно стабильных сюжетообразующих мотивов присущ преимущественно волшебным сказкам. К их числу, выполняющих функцию раскрытия и развития событий в тексте, относятся: мотив отправки главного героя в путь; мотив возвращения персонажа за оставленным предметом; мотив поиска или добывания чего-либо; мотив нарушения либо запрета, либо договора и как следствие связанный с ним мотив наказания; в волшебных сказках наиболее частотными являются мотивы преобразений героя и трансформации предметов, являющиеся общими для сказочной прозы и китайских, и российских бурят. Для развития сюжетного повествования важную роль играют мотив участия героя в различных состязаниях; использование взаимосвязанных мотивов оставления им свадебного поезда и прибытия домой одному, мотив обнаружения по прибытии разоренного в его отсутствие хозяйства и мотив узнавания родителями сына и подавления героем захватчика. Определенное место в сюжете волшебной сказки занимает мотив поиска души врага и нахождения её. Мотив оживления

героя/персонажей является традиционным элементом сюжета фольклорных произведений народов мира, в том числе и шэнэхэнских волшебных сказок.

К статичным мотивам, не влияющим на развитие сюжета, относятся мотив чудесного одаривания золотом или серебром каким-нибудь животным; мотив употребления материнского молока, основанный на представлении носителей фольклора о сакральности грудного молока/материнского молозива; мотив исцеления героя лечебными травами; мотив обращения к священнослужителю с просьбой даровать детей; мотив исполнения колыбельной песни; мотив, связанный со сном и сновидением (вещий сон, богатырский сон), характерные для волшебные сказки шэнэхэнцев и бурят России.

Для бытовых сказок и шэнэхэнцев, и российских бурят характерно использование мотива выполнения трудных заданий в основном для выявления ума и мудрости главного действующего лица; мотива испытаний в мудрости; мотива абсурдного решения судьбы.

В целом, отмечая мотивы со сходной тематикой в сказках бурят Внутренней Монголии и России, следует сказать об отдельных локальных, не зафиксированных в сказках материнской традиции, мотивах. К примеру, мотив поиска и добывания *аршана* – вечной воды, который, наряду с традиционной функцией воскрешения героя, в шэнэхэнской сказке реализуется еще и для того, чтобы обеспечить бессмертие сыновьям одного из персонажей. Оригинален мотив нахождения души героя в перочинном ноже.

Самобытны мотивы с мифологической семантикой: получение способности испускать благовонные запахи в результате поедания героем пузырька с лопаточной части утки; мох, которым обернуты ноги женщины, обеспечивает ей тепло; зерно, посеянное на голове женщины, служит съестным припасом для нее.

В шэнэхэнских сказках выявлены сюжеты и мотивы, имеющие параллели и аналогии с сюжетами и мотивами других народов, входящих в мировой сказочный фонд.

Рассмотренный в разделе **III.5. «Система персонажей шэнэхэнских сказок»** персонажный ряд шэнэхэнских сказок сгруппирован в несколько блоков, исходя из концепции В. Я. Проппа о типах персонажей, различающихся в зависимости от их функции. К персонажам «первого ряда» (Н. В. Новиков) относятся герои-богатыри, *батыры* и *мэргэны*, с необыкновенными физическими данными, что способствует совершению ими различных подвигов. К ним причисляются еще «иронические удачники». Они представлены в нашем материале героями более низкого уровня: младший сын/младший брат; единственный сын матери; сын бездетных родителей/богача и др. В их роли могут выступить мифологические персонажи, к примеру, сын, появившийся из хвоста козы; ветер-вихрь; говорящая птица.

В качестве «искомого персонажа» (В. Я. Пропп) в волшебной сказке шэнэхэнцев выведена суженая героя, предназначенная ему судьбой: дочь Наран-хана Наран-Зулу; Алтан-Гунан-Сэсэг; дочь шаманки с необычными способностями. Чтобы добиться согласия на брак, герой отправляется в путь.

В бурятских волшебных сказках выделяется такой тип помощника как конь, являющийся неизменным спутником богатыря. В сказке персонаж-конь выступает в роли: а) стражника; б) советчика, подсказывающего алгоритм действий своего хозяина для успешного достижения им цели; в) активного соучастника в предпринимаемых хозяином действиях, подчеркивающие их гармоничное единство.

В шэнэхэнских волшебных сказках, как и в общепурятских сказках, отдельную группу составляют персонажи, оказывающие содействие герою. К ним относятся добрые помощники, советчики, функция которых заключается в оказании ему всяческого пособничества в достижении намеченной им цели.

В анализируемых сказках наибольшее количество составляют персонажи, помогающие герою полезными советами и подсказками.

Кроме того, к персонажам волшебной сказки, выполняющим роль добрых помощников, относим различных животных, зверей и птиц, которые приходят на помощь герою в благодарность за оказанную им услугу. Локальную особенность в системе персонажей сказок бурят Китая составляют такие персонажи как Хурмаста-тэнгрий, различные *сахюусаны*, способные предстать в разном облики, функция которых заключается в оказании помощи герою в трудных ситуациях.

В персонажной системе волшебных сказок выделяются две группы антагонистов. Первая – это различные чудовища, похищающие женщин, пожирающие всю живность, преграждающие путь герою, с которыми он вступает в единоборство и противостояние. Другое звено составляют вредители, с которыми герой не вступает в физическое противоборство, вместе с тем, их роль сводится к тому, чтобы вызвать какую-либо беду, нанести ему вред, ущерб. Их можно еще обозначить как недоброжелатели героя.

Отмечаем, что дифференциация персонажного ряда на главного героя и остальных сказочных персонажей, наиболее четко выражена в волшебных и богатырских сказках, в то время как в бытовых и новеллистических сказках и шэнэхэнцев, и российских бурят, она проявляется слабо. Главные действующие персонажи в бытовых сказках относятся к типичному образу героя, сперва униженного окружающими, но затем награждаемого удачей, счастьем. В бытовых сказках действует в основном персонаж, отличающийся ловкостью, хитростью, добивающийся задуманного трюкачеством. И для шэнэхэнской, и для общебурятской сказочной традиции характерна единая система персонажей волшебных, бытовых сказок, что свидетельствует о целостной жанровой системе бурятской сказки. Надо заметить, что в сказке и улигерах бурят прослеживается активная диффузия, когда сказочные

элементы и приемы проникают в улигерное повествование и наоборот персонажи сказок несут в себе черты улигерных героев. Это свойство особенно присуще богатырским и волшебным сказкам.

В главе **IV. «Несказочная проза бурят Внутренней Монголии: сохранность и изменчивость»** на основе систематизации и классификации жанров несказочной прозы, куда мы относим мифы/мифологические нарративы, легенды, предания, устные рассказы, записанные у шэнэхэнцев, дана характеристика их тематическому, сюжетно-мотивному разнообразию; установлены общие и отличительные черты в устной повествовательной традиции китайских и российских бурят.

Во **вступительной части** раздела **IV.1. «Вводная часть»** акцентируется внимание на сложности разграничения произведений несказочной прозы, связанной с неустойчивым, пограничным статусом текстов указанного цикла, подчеркивается подвижность и размытость их жанровых границ, нечеткость и неоднотипность употребления терминов. Рассмотрев принципы и концепции классификации несказочной прозы, предложенные в работах С. Н. Азбелева, В. П. Аникина, Э. В. Померанцевой, В. Я. Проппа, К. В. Чистова, В. М. Гацака, Н. А. Криничной и других исследователей, автором обосновывается возможность классификации материала на основе применения тематического принципа с учетом сюжетно-мотивных особенностей, системы персонажей и функциональной направленности текстов.

Анализ обширного круга сюжетов, мотивов, персонажей группы рассказов несказочной прозы бурят Внутренней Монголии, осмысление их содержательно-тематических особенностей, функционально-этической направленности позволил распределить материал по следующим блокам:

I. Мифологическая проза, куда относим тексты, отражающие мифологическую картину мира. Это:

- рассказы о почитании духов окружающих человека природных объектов, воды, огня;
- рассказы о творце – высшем божестве, являющемся хозяином миропорядка, регулирующим быт не только человека, но и животных, зверей;
- рассказы о нечистой силе и ее подавлении; о людоедстве.

II. Легенды, сюжеты которых сфокусированы на фактах, событиях из жизненной практики и явлениях окружающего мира с религиозно-мистическими, иррациональными чертами, не поддающихся рациональному познанию, что обусловило преобладание в легендах черт мифологического, фантастического, сверхъестественного и чудесного характера.

Шэнэхэнские легенды подразделяются на рассказы о людях с экстраординарными способностями (шаманах, шаманках, *ламах*) и конфликте между ними; о незаурядных личностях из народной массы с нестандартными физическими или иными качествами; о мистических представлениях верующих о наиболее почитаемых буддийских персонажах. Сюда же отнесены топонимические легенды, связанные с историей возникновения бурятских названий гор, рек на территории Хулун-Буира.

III. Предания – это группа текстов, в которой объединены рассказы о фактах исторической действительности, о конкретных лицах, с относительной долей достоверности, направленной на то, чтобы убедить слушателя в реальности рассказываемого.

Основное отличие предания от устных рассказов проявляется в отсылке к далеким временам. Поскольку предания основаны на описании событий и личностей давно минувших дней, попадая в репертуар исполнителей, они видоизменяются, деформируются под влиянием различных социально-исторических и культурных факторов. Анализируемый материал показал, что некоторые сюжеты и мотивы традиционных преданий хори-бурят

переосмыслены шэнэхэнцами в контексте этнической истории локальной группы китайских бурят.

IV. Устные рассказы. В зафиксированных в Шэнэхэне устных рассказах превалируют вербальные тексты, связанные с бытом китайских бурят, раскрывающие их традиционные представления, верования и этнокультурные особенности. Как жанр, действительно и живо откликающийся на события реального времени, устный рассказ повествует о первых переселенцах, их социальном устройстве в ином пространстве и окружении, известных людях из среды мигрантов.

Таким образом, указанные тексты сказочной прозы группируются в сюжетные циклы устных рассказов с мифологической основой; легенды и предания, отличаясь от других жанров устного народного творчества бурят.

В разделе «**IV.2. Специфика бытования мифологической прозы**» анализируются тексты мифологической прозы бурят Китая, для обозначения которых нами употребляются термины «устные рассказы/тексты с мифологической основой», «мифологические рассказы», «мифологические нарративы» как синонимы, исходя из того, что в них заложена прежде всего мифологическая информация, составляющая основу сюжета.

Основу сюжетов устных рассказов с мифологической основой в шэнэхэнской традиции составляют отдельные аспекты сакральной сферы традиционного бурятского общества (культы, верования, обряды, ритуалы, запреты и др.), обладающие рядом специфических черт, отражающие специфику мифологического сознания. Центральными сюжетами и мотивами в них являются в основном древние культы почитания верховного божества Хурмасты/Хормусты, духов, отдельных животных; реже встречаются повествования, связанные с демонологией, хотя бытуют мотивы контакта человека с потусторонними существами. Они тесно связаны с широко представленной системой табуирования и запретов.

В мифологической прозе шэнэхэнцев высший пантеон представлен Хурмаста-тэнгрием, образ которого сформировался на основе культа неба. Кроме того, «в недрах коллективного сознания» появляются персонажи, являющиеся «активными действующими силами и равноценными участниками жизненных событий и с сопряченным им человеком»⁴⁰. Так, согласно шэнэхэнским материалам, у истоков появления человека, животных, зверей, появления из большой массы живых существ людей разных национальностей, языка, цвета кожи, упорядочивания и регламентирования миропорядка на земле были небесные распорядители в лице Хурмаста-тэнгэри, Наран-Сахюусана (Солнце-Сахюусана) и Ухин-тэнгэри (Девы-тэнгрия). Особенность шэнэхэнских образов Хурмаста-тэнгэри, Наран-Сахюусана и Ухин-тэнгэри, имеющих общую функциональную направленность с верхними божествами в общебурятской традиции как культурных героев, демиургов, в том, что они получили персонифицированную интерпретацию как создателей в нижнем мире людей различной расы.

Самобытными чертами отличается группа мифологических рассказов шэнэхэнцев об установлении двенадцатигодичного животного цикла. Существовавшие ранее в хори-бурятской традиции подобные сюжеты в более развернутом виде сохранились и бытуют ныне у бурят Внутренней Монголии.

Представления о природных стихиях, олицетворяющих некую силу, способную влиять на жизнь человека, стали предметом деификации в мифологической прозе шэнэхэнцев. В связи с чем в анализируемых текстах наблюдаются процессы выстраивания стратегии гармонизации, направленные на почитание тех или иных сакральных объектов и задабривание духов-хозяев, чтобы не вызвать негативное воздействие на жизнедеятельность человека. Мифопоэтическое восприятие носителей

⁴⁰ Шаронов А. М. Картина мироздания в мифологии народов эрзя / А. М. Шаронов // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2009. – № 1. – 2009, с. 83

фольклора представляет конструкцию, в которой «личное и социальное поведение человека и мировоззрение (аксиологически ориентированная модель мира) взаимно поддерживают друг друга в рамках единой системы»⁴¹.

Мифологическое мировоззрение выработало определенные ориентиры, необходимые для адаптации и координации действий и отношения человека к окружающему природному миру. В шэнэхэнских рассказах с мифологической основой содержатся определенные запреты, органично связанные со способами регулирования взаимоотношений с объектами культа, наложением конкретных табу на то или иное действие.

В мифологической прозе шэнэхэнцев, кроме того, выявлены сюжеты о существовании потусторонних сил. Установлено, что так называемые демонологические нарративы о духах (*боохолдое, заяанах, ада*) характерны преимущественно для устной традиции бурят Иркутской области. В то время как сюжеты об оборотнях (*ороолон*), людоедах (*харшан*) зафиксированы исключительно в записях, сделанных у восточных бурят, в том числе шэнэхэнцев. Таким образом, наблюдается достаточно заметная их локализация в разных этнических группах бурят, связанная с характером религиозных практик носителей фольклора – для первой группы (шаманистов) характерны сюжеты о духах «низшей шаманской демонологии»; для второй группы (буддистов) присущи представления о непереродившихся душах, зачастую голодных и неупокоившихся.

Самая существенная сторона мифологической прозы состоит в том, что «миф представляет собой объяснение того или иного факта при помощи олицетворения», и «мифологическое олицетворение всегда прикрепляется к какой-нибудь черте окружающей человека действительности и представляет наивную попытку объяснить эту черту действительности»⁴². Смысл и значение шэнэхэнских устных рассказов с мифологической основой, в

⁴¹ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2000, с 169.

⁴² Токарев С. А. Избранное. Теоретические и историографические статьи по этнографии и религиям народов мира: в 2 т. / С. А. Токарев. – М: ИЭА РАН, 1999. – Т I, с. 158.

сущности, определяет их этиологичность, в них содержится объяснение тех или иных явлений природы или человеческой жизни.

Сюжет о Хоридой-Мэргэне и птице-лебеди, увезенный из исторической родины и бережно сохраняемый в своей содержательной полноте в иноэтническом фольклорном окружении, по существу, не меняется в устной традиции китайских и монгольских бурят. Если в Шэнэхэне бытуют варианты на этот сюжет в развернутой форме с вкраплениями о родословной одиннадцати хори-бурят, то в российских реалиях сегодня обнаруживаем письменные, опубликованные версии.

Центральными сюжетами и мотивами в них являются в основном древние культы почитания верховного божества Хурмасты/Хормусты, духов, отдельных животных; реже встречаются повествования, связанные с демонологией, хотя бытуют мотивы контакта человека с потусторонними существами. Они тесно связаны с широко представленной системой табуирования и запретов.

Определению сущности жанра легенд, записанных во Внутренней Монголии, посвящен раздел **IV.3. «Функции и культурные смыслы легенд»**. Изучив позиции и подходы фольклористов относительно дифференциации легенд, преданий и собственно устных рассказов, автор определяет легенды как тексты религиозно-мистического характера, созданные на основе событий, вероятно/предположительно происходивших некогда в прошлом, в которых в наибольшей степени преобладают черты художественного вымысла, сказочности и фантастичности.

В категорию текстов, которым присущи указанные признаки, мы относим произведения фольклорной прозы китайских бурят, сюжетику которых составляют сохранившиеся в народной памяти факты, события, зачастую экстраординарного характера, из жизненной, бытовой практики и явления окружающего мира, связанные с религиозно-мистическими, иррациональными проявлениями.

В содержании шэнэхэнских легенд о реально существовавших людях с неординарными способностями; служителях культа, владеющих сакральной религиозной практикой; и отдельных персонажах из пантеона ламаистских божеств преобладают моменты непознанного, мистического, и вымысел доминирует в изложении реальных фактов, определяя специфику жанра. В связи с чем нередко изложенные в легендарных текстах события приобретали фантастический, символический смысл.

Группа шэнэхэнских легенд о шаманах и шаманках, обладающих, по поверьям исполнителей, комплексом магических возможностей, имеет соответствующие параллели с бытующими в материнской традиции сюжетами об их особом даре, различных сверхъестественных способностях, в связи с чем их социальный статус был значительно выше остальных членов социума. Потому фигура неординарного человека, избранного высшими силами, выступает в общеповествовательной традиции объектом изображения в сюжетах легенд. Стоит обратить внимание, что немногочисленные шэнэхэнские легенды о шаманах, хотя и следуют общей традиционной концепции об их волшебных способностях, отличаются от произведений о шаманах в западнобурятской традиции оригинальностью сюжетов.

Основу сюжетики о ламах составляет мотив буддийского священнослужителя как врачевателя преимущественно духовного здоровья мирян. С принятием буддизма хори-бурятами, как признают сами носители традиции, функции шамана преимущественно стал замещать лама, таким образом в обществе произошла постепенная религиозная конверсия.

Отдельный цикл составили топонимические легенды, включающие сюжеты о географических природных объектах, почитаемых бурятами Внутренней Монголии, большая часть которых связана с культовыми горами и источниками шэнэхэнской ойкумены. Легенды китайских бурят объясняют

происхождение местных ландшафтных названий, отражающих современное пространство их проживания.

В то же время выявлены общие, объединяющие с материнской традицией, мотивы почитания крупных общепурятских сакральных центров – Ольхона, Бархана, Алханая. Несмотря на специфические условия жизни в пределах обособленной общности, буряты Внутренней Монголии не утратили связь со своими истоками, демонстрируя законсервировавшуюся традиционную форму религиозно-культовых воззрений.

В разделе **IV.4. «Предания как хранилище исторической памяти»** раскрываются характерные признаки преданий шэнэхэнских бурят. Основываясь на интерпретации жанра преданий отечественными фольклористами, заключаем, что сюжетные линии в преданиях базируются на устных рассказах о событиях локального характера (местности, рода) давно прошедших времен и имеющих цель объяснить какое-либо явление, факт и донести их суть правдиво, т. е. с позиции народного понимания.

Определив предания как устные рассказы, выражающие представление этноса о собственной истории прошлых лет, отметим, что они создавались на основе фактов реальной действительности в большей степени исполнителями позднего времени, не являющимися современниками исторических событий. Специфика бытования исторических преданий заключается, таким образом, в осмыслении исторических реалий, находящихся вне актуальной памяти рассказчика, и в наличии персонажей, известных широким народным массам. Это проявляется в преданиях бурят Внутренней Монголии, тематически относящихся к рассказам о Бабжа-батаре, Шэлдэй-Занги, народной героине Бальжан-хатан.

Вместе с тем, эти циклы повествований о лучших предводителях рода, баторах, заметных фигурах из народной массы, борцах за справедливость, бытующие в хори-бурятской традиции и в России, и в Монголии, и в Китае, у шэнэхэнских бурят дополняются собственной оценкой и умозаключениями

относительно темы этноса, рассеянного и проживающего на территории трех государств.

В преданиях с исторической основой, кроме того, в центре события стоит яркая личность, легендарный герой, вокруг которого разворачивается основной сюжет. В устных рассказах об известных людях, передающихся из уст в уста, переходящих от поколения к поколению, предметом пересказа становятся их неординарные деяния, поступки, подвиги, выдающиеся заслуги, оставившие в народной памяти неизгладимый след, иногда обрастая неправдоподобными подробностями, приукрашивающими действительность. Это было показано на примере образа Бальжан-хатан.

Бурятские предания в материнской традиции характеризуются широким тематическим разнообразием. В шэнэхэнских преданиях сохраняется изначально хоринская традиция повествований о явлениях исторического значения; происхождении хори-бурятского рода; незаурядных личностях, национальных героях, заметных фигурах из народной массы – борцах за справедливость, известных данной ветви бурят. И шэнэхэнская устная историческая проза, безусловно, перекликается с ними в силу этнической общности хори-бурят.

Таким образом, устная историческая проза шэнэхэнцев, как и российских бурят, представлена сюжетами о конкретной исторической действительности далекого прошлого, что является одной из важных жанровых характеристик преданий. Кроме того, народным преданиям присуще преобладание элементов преувеличения, некоторого искажения, связанного с длительным и продолжительным по времени их бытованием. Носители традиции, обобщая значительные события, ключевые, знаковые моменты из того, что было в истории этноса, пропускали достоверный материал сквозь призму своего восприятия и миропонимания. Отмечено, что для рассмотренных преданий характерны локальность и приуроченность исторической тематики к этнической среде бурятской диаспоры.

В разделе **IV.5. «Устные рассказы как самостоятельная разновидность несказочной прозы шэнэхэнских бурят»** впервые предпринята попытка рассмотрения устных рассказов как отдельной жанровой единицы в системе несказочной прозы бурят. В работах российских, в том числе бурятских фольклористов, устные рассказы не становились объектом специального изучения (за исключением единичных работ и отдельных статей). Причины были разные, однако, по нашему мнению, основная из них заключается в отсутствии черт, присущих устоявшимся традиционным жанрам фольклора (сюжетность, формульность, вариативность).

Анализ собранного богатого материала по устной прозе китайских бурят позволил установить, что устный рассказ в системе жанров бурятского фольклора имеет свои специфические особенности, отграничивающие его от легенд и преданий. Наиболее характерные признаки устного рассказа:

- из текстов несказочной прозы они выделяются локальной, региональной направленностью;
- повествования основываются на достоверных фактах и событиях недавнего прошлого, исполняются их участниками/очевидцами, иногда со слов других рассказчиков, но потенциально представляющих интерес для конкретного социума;
- сюжеты тесно связаны с этнической средой, отражают традиционные представления, верования, обычаи, поверья, приметы, табу;
- персонажами выступают люди, получившие известность/пользующиеся почетом в среде своих соплеменников, являющиеся современниками или рассказчика, или его родителей, т. е. не исторические личности;
- характерно превалирование бытового стиля речи.

Тематическая направленность произведений устной прозы китайских бурят разнообразна, вместе с тем, большей частью связана с бытом

шэнэхэнских бурят. Проанализированный материал позволяет выявить специфику их адаптации в иноэтнической среде и особенности взаимоотношения в новых исторических условиях с титульной нацией и соседними группами этносов. Сделан вывод, что вовлечение первых переселенцев в китайскую среду было ограничено в силу разных обстоятельств, из них мы выделяем в качестве основных два фактора: во-первых, отдаленность от китайских социально-экономических центров, во-вторых, большинство перекочевавшего населения бурят верило в скорейшее возвращение на территории своего прежнего проживания. Они были обусловлены территориально-географическими особенностями расселения бурят, прежде всего, приграничным со страной исхода положением.

Историко-этнографический интерес представляют устные рассказы о создании первых учебных классов для детей аратов; организации лечебного дела по традиции тибетской медицины с использованием методов народного лечения; возведение буддийского храма, позволившие сохранить этническую самостоятельность и самобытность в иноэтническом окружении. Важно подчеркнуть, что в устной повествовательной прозе шэнэхэнцев запечатлены «культурно и социально значимые» факты трудных лет освоения новых территорий. В ней заключена историческая память, дана оценка своей истории, воздается дань заслугам людей, ставших символом выживания диаспоры. В этом плане примечательны тексты, в которых сохранились воспоминания о тех, кто стоял у истоков жизнеустройства, организации быта переселенцев, их социализации в образовательно-культурном плане.

Главенствующая роль в стабилизации социальных условий жизни переселенцев отводится образованным буддийским священнослужителям, оказавшим и практическую, и моральную помощь в обретении душевного покоя и поддержании духа иммигрантов в новых реалиях. Определенное место также занимают рассказы, повествующие об известных и уважаемых людях из числа шэнэхэнцев, т. е. не рядовых членах социума, а

прославившихся своей необычной биографией, нестандартными умениями или мастерством. К ним примыкают сюжеты о случаях из повседневной жизни скотоводов, основу которых составляют их необычность, курьезность и единичность.

Возникновению и активному бытованию устных рассказов на данном этапе способствовала, на наш взгляд, изолированность бурятской диаспоры от метрополии. Необходимость сохранения и передачи традиционных знаний, культурного багажа, накопленного опыта молодежи лежит в основе актуализации жанра устного рассказа в Шэнэхэне. Кроме того, этот феномен устной вербальной культуры может быть показателем развития и эволюции сказочной прозы в условиях, когда традиционные жанры фольклора постепенно уходят на периферию этнокультурной традиции, а на передний план выступает традиция исполнения устных рассказов об истории локальной группы бурят продолжительностью не более ста лет. Эта ситуация основана на стратегии выживания и сохранения своей идентичности в инонациональном окружении. Живое состояние фольклорного процесса способствует трансляции истории этноса как в масштабах личности, одной семьи, так и в целом диаспоры.

Сфера распространения устных рассказов ограничена территорией проживания шэнэхэнцев, обусловлена исторической судьбой китайских бурят, потому они характеризуются как «локальный фольклор» (Б. Н. Путилов). Шэнэхэнские устные рассказы на данный момент имеют ограниченное число вариантов, причем отдельные тексты бытуют лишь в исполнении одного человека, очевидца-рассказчика. Однако постоянное транслирование их последующим поколениям может привести к закономерному процессу перехода их в жанр исторических преданий, согласно фольклорному закону текстопорождения.

Тематическая направленность произведений устной прозы китайских бурят разнообразна, вместе с тем, большей частью связана с бытом

шэнэхэнских бурят. Безусловными этномаркерами традиционной культуры служат бытующие в народе запреты, табу, поверья, суеверия, связанные с ними охранительные меры. Эти нормы поведения людей, предписания, что можно или чего нельзя совершать, у китайских бурят сохранились в устных рассказах как самостоятельные сюжеты в форме поучительных историй.

Отмечается, что совокупность традиционных и религиозных воззрений носителей фольклорной традиции – методы народного лечения, обычаи, обряды, поверья, приметы, отображенные в устной повествовательной прозе локальной группы бурят Внутренней Монголии, имеют общие хори-бурятские корни и совпадающие с материнской традицией характеристики.

Глава V. «Языковые особенности повествовательной прозы китайских бурят», состоящая из двух частей (**V.1. Фольклорная лексика как отражение этнических традиций; V.2. Характерные синтаксические конструкции в фольклорных произведениях шэнэхэнцев**), содержит результаты анализа наиболее значимых средств художественной выразительности устной повествовательной прозы шэнэхэнцев, их стилевой специфики и смысловой нагрузки. Установлено, что традиционными художественными ресурсами зафиксированных текстов являются фразеологизмы, идиомы, диалектные словосочетания. Наряду с выявленными устойчивыми образными выражениями, разговорной лексикой, архаизмами, эвфемизмами, парными словами, являющимися средствами художественной выразительности устной прозы шэнэхэнских бурят, необходимо отдельно отметить этнически маркированные лексические единицы, подчеркивающие национальный колорит. К ним относится лексика с этнографическим компонентом (традиция почитания мужчин в хори-бурятском обществе, в том числе представления, связанные с особым положением единственного сына в семье; древний свадебный ритуал, относящийся к изменению статуса выданной замуж девушки; традиционное занятие шитьем бурятской женщины); лексика из реалий старинного быта (утварь, народные игры,

методы народной медицины); скотоводческая лексика, отражающая практику закрашивания шкуры домашнего животного и употребления молочных остатков и т. д. Указанные лексические единицы, общие для представителей хори-бурятской общности, на данном этапе сохранились исключительно в повествовательной прозе шэнэхэнских бурят.

В «**Заключении**» подводятся основные итоги исследования.

Изучение самобытной культуры этнических анклавов целесообразно для выявления устойчивости и эволюции фольклорной традиции в иноязычной среде. И анклавная традиция, являясь одной из форм самоидентификации этнической общности, повлияла на сохранность традиционных ценностей, мировоззренческих установок бурят Внутренней Монголии. Охарактеризованные в работе аспекты духовной культуры шэнэхэнцев показывают отсутствие признаков этнокультурного сдвига в их идентичности. Напротив, шэнэхэнцев в наибольшей степени отличает их приверженность к бурятским обычаям, обрядам жизненного цикла и буддийским религиозно-духовным практикам.

Сравнительный анализ шэнэхэнских и общепурятских сказок показал единые традиции их исполнения у российских и китайских бурят. Сказочная проза бурят Внутренней Монголии восходит к традиционному сюжетно-мотивному фонду сказок российских бурят. Исконная форма исполнения сказок, основная их сюжетная основа не подверглись существенной трансформации. При наличии общих сюжетов и мотивов в сказках бурят Китая и России наблюдается большая сохранность архаической основы шэнэхэнских сказок, содержащих мифологические элементы: превращение ветра-вихря в человека; получение героем способности испускать благовонные запахи в результате поедания пузырька с лопаточной части утки; обеспечение покойника утеплительным средством (мох) и провизией (посеянное на голове женщины зерно), что не обнаружено в общепурятской сказочной традиции.

В репертуаре бурят Китая сохранились богатырские сказки, в отличие от материнской традиции, где на данном этапе утрачено живое исполнение эпических и сказочных сюжетов героического содержания. Записанные в Хулун-Буи́ре богатырские сказки, представляющие собой редуцированные прозаические варианты эпоса, показали устойчивость в шэнэхэнских сюжетах ключевых смысловых и структурных доминант хоринских улигеров, что является показателем преемственности традиции.

В несказочной прозе установлен общий пласт мифологических нарративов, устных рассказов по этномедицине, этнокультуре; легенд и преданий, бытующих и у шэнэхэнцев, и у российских бурят.

В мифологической прозе бурят Внутренней Монголии запечатлены представления о «наивной» картине мира, допускающие судить о религиозно-мифологических верованиях, специфичности мировосприятия и миропонимания носителей традиции. Следует сказать, что в Хулун-Буи́ре сюжеты и мотивы с мифологической основой бытуют в живой традиции, воспроизводятся и в наши дни. Проведенный анализ имеющегося материала позволяет сделать вывод об инерции в анклавной среде архаичных традиций в мифологических нарративах.

Определив предания как устные нарративы, выражающие представления этноса о собственной истории прошлых лет, делаем вывод, что специфика исторических преданий в целом заключается в осмыслении реальных фактов, находящихся вне актуальной памяти рассказчика. Народным преданиям присуще преобладание элементов преувеличения, некоторого искажения, связанного с длительным и продолжительным по времени их бытованием.

Шэнэхэнские предания характеризуются в целом общностью тем, сюжетов, образов повествовательной традиции, обусловленной этногенезом и общей этнической историей хори-бурят. В них заложены определенные мировоззренческие позиции относительно того, «кто мы, откуда»;

идеологические ориентиры, общечеловеческие ценности, народно-философская оценка бытия. К текстам сказочной прозы шэнэхэнцев, обладающими локальными особенностями, относим варианты преданий о Бальжан-хатан, о Бабжа-Барас-батаре, о шаманке, выпросившей у Хурмасты сыновей. Они отражают характер модификации традиционной сюжетной матрицы в соответствии с особенностями локальной этнической истории китайских бурят, осмысление отдельных фактов своего прошлого. Предания бурят Внутренней Монголии существенно отличаются от преданий материнской традиции реактуализацией традиционного нарратива включением нового мотива о причинах исхода, разъединения бурятского народа.

К легендам отнесены произведения устной прозы, сюжеты которых составляют сохранившиеся в народной памяти факты, события, зачастую экстраординарного характера, из жизненной, бытовой практики и явления окружающего мира, связанные с религиозно-мистическими, иррациональными проявлениями. В актуальное жанровое поле легенд шэнэхэнцев входят рассказы на шаманские и буддийские темы; в них повествуется о явлениях и случаях окружающей действительности с позиции мистических воззрений носителей традиции. Наряду с бытованием легенд, совпадающих с текстами российских бурят, специфическим фольклорным явлением представляются созданные бурятами Китая новые топонимические легенды, в основе которых лежат сюжеты о переименовании некоторых гор и рек после переселения.

Выявлены и описаны отличительные характеристики и особенности текстового репертуара устных рассказов китайских бурят, анализ которых позволил выделить их в самостоятельную группу в системе сказочной прозы. Устные рассказы шэнэхэнцев составили циклы нарративов о миграции бурят в Китай и трудностях первых лет; случаях из повседневной жизни; известных буддийских монахах; традиционных воззрениях и

представлениях, быте, укладе, раскрывающих этнокультурные особенности бурят. Следует особо отметить, что содержание устной прозы китайских бурят можно разделить на две части. Одну часть составляют увезенные и сохраненные в устном бытовании произведения, отражающие традиционные обряды, обычаи, поверья, приметы, запреты; сведения о народных методах лечения, выступающие национально-этническими маркерами и имеющие общие с хори-бурятскими традициями истоки. Другая часть – это произведения, которые были сложены после исхода бурят в пределы китайского государства, содержащие коллективные воспоминания о реалиях недавнего прошлого, в том числе о пережитом опыте адаптации в новых условиях. События в них устойчиво локализованы, и в качестве персонажей фигурируют жители Шэнэхэна.

Процесс контактирования, коммуникации с другими родственными группами монголов в Китае (хамниганами, монголами, баргутами и др.) и знакомство с монгольской письменной культурой способствовали обогащению фольклорного багажа шэнэхэнцев за счет заимствования отдельных фольклорных сюжетов и обработки письменных источников. В соответствии с нравственными установками носителей традиции заимствования носили избирательный характер и подвергались определенному переосмыслению. Взаимодействие с соседствующей культурой является эффективным стимулом дальнейшей эволюции фольклорной традиции шэнэхэнцев, в том числе появление контаминации мотивов из разных текстов, новых персонажей и новой морализирующей идеи.

Вместе с тем делаем вывод, что фольклор бурят Внутренней Монголии сохраняет во времени устойчивость традиции, в которой минимально иноэтническое влияние, обусловленное капсульным характером уклада жизни, поддерживаемого шэнэхэнскими бурятами до последних десятилетий XX в.

Языковую особенность устной прозы локальной группы хори-бурятского этноса в Китае составляют их фольклорная стереотипность, художественно-образная конкретизация этнических компонентов. Имея много общего с устной разговорной речью, лексика фольклорной прозы шэнэхэнских бурят отличается наличием названий предметов из прошлого быта бурят, элементов их мировоззренческих установок, религиозно-обрядовой практики, отражающих этнокультурные особенности этноса в целом.

Итак, фольклорная система переселенцев в значительной степени характеризуется как стабильная, в то же время она открыта к саморазвитию и обогащению за счет иноэтнического влияния. Отдельные привнесения в фольклор шэнэхэнцев свидетельствуют не о разрушении форм фольклорных традиций исторической родины, а о развитии фольклора под влиянием окружения.

III. РАБОТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:

Статьи в отечественных рецензируемых научных изданиях по перечню ВАК (по специальности), в том числе в изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования:

1. Цыбикова Б.-Х. Б. Материалы фольклорной экспедиции 2012 года в Автономный район Внутренняя Монголия КНР: общая характеристика / Б.-Х. Б. Цыбикова // Вестник Бурятского госуниверситета. – Вып. 10 (2). Сер. Филология. – 2014. – С. 122–124.
2. Цыбикова Б.-Х. Б. Современные записи сказочной прозы шэнэхэнских бурят / Б.-Х. Б. Цыбикова // Вестник Бурятского госуниверситета. – Вып. 10 (4). Сер. Филология. – 2014. – С. 156–160.

3. Цыбикова Б.-Х. Б. Исторические легенды и предания бурят / Б.-Х. Б. Цыбикова // Вестник Бурятского госуниверситета. – Вып. 10 (1). Сер. Филология. – 2014. – С. 221–224.
4. Цыбикова Б.-Х. Б. Культовое и письменное наследие тибетцев в религиозной и культурной традиции монголоязычных народов (на материале экспедиции 2014 года) / Б.-Х. Б. Цыбикова // Мир науки, культуры, образования. – Вып. 2 (51). – 2015. – С. 405-408.
5. Цыбикова Б.-Х. Б. Локальные фольклорные и этнокультурные традиции бурят Внутренней Монголии / Б.-Х. Б. Цыбикова // Вестник Бурятского госуниверситета. – Вып. 10 (1). Сер. Филология. – 2015. – С. 282-287.
6. Цыбикова Б.-Х. Б. Исторический фольклор бурят / Б.-Х. Б. Цыбикова // [Филологические науки. Вопросы теории и практики](#). Вып. 11. – Ч. I. – 2016. – С. 53-55.
7. Цыбикова Б.-Х. Б. Повествовательная фольклорная проза бурят Внутренней Монголии / Б.-Х. Б. Цыбикова // Мир науки, культуры, образования. – № 6 (61). – Горно-Алтайск, 2016. – С. 381-383.
8. Цыбикова Б.-Х. Б. Жанровые особенности сказочной прозы бурят / Б.-Х. Б. Цыбикова // Вестник Бурятского госуниверситета. – Вып. 5. Сер. Филология. – 2016. – С. 219-224.
9. Цыбикова Б.-Х. Б. Структура времени в фольклоре монгольских народов / Л. С. Дампилова, Н. Н. Николаева, Б.-Х. Б. Цыбикова // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2017. – Т. 76. – № 2. – С. 51-59.
10. Цыбикова Б.-Х. Б. Свадебная обрядность бурят Внутренней Монголии КНР (по материалам фольклорных записей) / Б.-Х. Б. Цыбикова // Традиционная культура. – 2017. – № 3(67). – С. 20-32.

- 11.Цыбикова Б.-Х. Б. Несказочная проза бурят: жанровая характеристика фондового материала / Б.-Х. Б. Цыбикова // Вестник Бурятского госуниверситета. – Вып. 6. Сер. Филология. – 2017. – С. 209-214.
- 12.Цыбикова Б.-Х. Б. Устные традиции и духовная культура бурят Китая (по материалам полевых исследований) / Б.-Х. Б. Цыбикова // Манускрипт. – 2018. – № 11(97). – Ч. I. – С. 22-25.
- 13.Цыбикова Б.-Х. Б. Ментально-духовные аспекты культуры бурят Внутренней Монголии КНР по материалам полевых исследований / Б.-Х. Б. Цыбикова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2018. – № 4. – С. 117-123. (Web of Science)
- 14.Цыбикова Б.-Х. Б. Этапы формирования фольклорной коллекции Общего архивного фонда Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН / Б.-Х. Б. Цыбикова // Вестник архивиста. – 2019. – № 4. – С. 1007-1019. (Web of Science)
- 15.Цыбикова Б.-Х. Б. Народные методы лечения у бурят Внутренней Монголии КНР / Б.-Х. Б. Цыбикова, Л. С. Дампилова, Г. Н. Чимитдоржиева // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2019. Т. 27. – С. 79-85.
- 16.Цыбикова Б.-Х. Б. Историзация и мифологизация персонажей в бурятских преданиях (на примере образа Бальжан) / Л. С. Дампилова, Б.-Х. Б. Цыбикова // Научный диалог, 2020, № 2. – С. 262-274. (Web of Science)
- 17.Цыбикова Б.-Х. Б. Обряд замещения души в шаманской практике бурят / Л. С. Дампилова, Б.-Х. Б. Цыбикова // Сибирский филологический журнал. 2020, № 1. – С. 49-57. (Web of Science)

- 18.Цыбикова Б.-Х. Б. Сюжетно-композиционное своеобразие бурятских сказок (полевые материалы 2018 г.) / Б.-Х. Б. Цыбикова // *Studia Litterarum*. 2020, том 5, № 2. – С. 424-437. (Web of Science)
- 19.Цыбикова Б.-Х. Б. Этнокультурные компоненты в устных рассказах бурят Внутренней Монголии Китая / Б.-Х. Б. Цыбикова, Д. С. Жамсуева // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Tomsk Journal LING & ANTHRO.* – 2020. – 4 (30). – С.138-147. (Web of Science)
- 20.Цыбикова Б.-Х. Б. Этнокультурная идентичность бурят в устной народной прозе / Б.-Х. Б. Цыбикова // *Сибирский филологический журнал*. 2022, № 1. – С. 23-35. (Web of Science)
- 21.Цыбикова Б.-Х. Б. Фольклорные и этнокультурные традиции бурят Китая и России / Б.-Х. Б. Цыбикова // *Традиционная культура*. – 2022. – Т. 23. – № 2. – С. 131-142.
- 22.Цыбикова Б.-Х. Б. Образ Чингис-хана в фольклоре бурят / Б.-Х. Б. Цыбикова // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. – 2022. – 3 (37). – С.149-159. (Web of Science)
- 23.Цыбикова Б.-Х. Б. Содержательно-структурные особенности эпических произведений российских хори-бурят / Б.-Х. Б. Цыбикова // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. – 2023. – № 4 (вып. 48). – С. 107-115. (Scopus)
- 24.Цыбикова Б.-Х. Б. Структурные особенности богатырской сказки бурят Китая в сравнении с эпическими произведениями хори-бурят / Б.-Х. Б. Цыбикова // *Традиционная культура*. – 2024. – Т. 25. – № 4. – С. 43–55. (Web of Science)

Монографии, разделы монографий и публикации фольклорных текстов:

- 25.Цыбикова Б.-Х. Б. Бурятские бытовые сказки. Сюжетный состав. Поэтика / Б.-Х. Б. Цыбикова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1993. – 115 с.
- 26.Бурятские волшебные сказки / С. С. Бардаханова, Б.-Х. Б. Цыбикова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. – 167 с.
- 27.Бурятские народные сказки: о животных и бытовые / Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров, Б.-Х. Б. Цыбикова // Новосибирск: Наука. Сибирская издат. фирма РАН. – 2000. – 304 с.
- 28.Цыбикова Б.-Х. Б. Фольклор шэнэхэнских бурят / Б.-Х. Б. Цыбикова // Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. – 2016. – 312 с.
- 29.Цыбикова Б.-Х. Б. Фольклор бурят Внутренней Монголии КНР. Сказки / Б.-Х. Б. Цыбикова // Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. – 336 с.
- 30.Цыбикова Б.-Х. Б. Фольклор бурят Внутренней Монголии КНР. Устные рассказы. / Б.-Х. Б. Цыбикова // Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. – 336 с.
- 31.Цыбикова Б.-Х. Б. Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских Бурятии / Л. С. Дампилова, А. Г. Игумнов, Е. Л. Тихонова, О. В. Хандарова, Б.-Х. Б. Цыбикова // Иркутск: «Оттиск». – 2020. – 162 с.

Работы, опубликованные в других научных изданиях:

- 32.Цыбикова Б.-Х. Б. Художественно-поэтические особенности бурятских бытовых сказок / Б.-Х. Б. Цыбикова // Эволюция эпических жанров бурятского фольклора. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО РАН СССР, 1985. – С. 46-60.
- 33.Цыбикова Б.-Х. Б. Художественная структура бурятских сказок о мудрой девушке Б.-Х. Б. Цыбикова // Типология традиционных жанров бурятского фольклора. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО АН СССР, 1989. – С. 100-108.

- 34.Цыбикова Б.-Х. Б. Сюжетный состав бурятских народных сказок как часть поэтической системы сказочного творчества / Б.-Х. Б. Цыбикова. – Творческое наследие ученых-литературоведов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – С. 142- 153.
- 35.Цыбикова Б.-Х. Б. Особенности жанра исторических преданий на примере устных рассказов о поездке бурят к Петру I / Б.-Х. Б. Цыбикова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Вып. 7, Ч. 2. – 2015. – С. 196-199.
- 36.Цыбикова Б.-Х. Б. Образы исторических личностей в несказочной прозе бурят (легендарный герой Дамба тайша) / Б.-Х. Б. Цыбикова // Вестник Бурятского госуниверситета. – Вып. 10. Сер. Филология. – 2015. – С. 194–197.
- 37.Цыбикова Б.-Х. Б. Түүхэдэ мэдээжэ алдар сууда гараһан хүнүүд тухай буряад домогууд / Б.-Х. Б. Цыбикова // Ойрад судлал: угсаа, хэл, соёл. Олон улсын эрдэм шинжэлгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэл. – Улаанбаатар, 2015. – С. 134-140.
- 38.Цыбикова Б.-Х. Б. Вариант «Гэсэра» в современном исполнении: сюжетная структура / Б.-Х. Б. Цыбикова // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – № 1(21). – 2016. – С. 80-84.
- 39.Цыбикова Б.-Х. Б. Устная традиция бурят Внутренней Монголии КНР / Б.-Х. Б. Цыбикова // Тезисы международной научно-практической конференции «Россия и монгольский мир: вектор на сближение» (Улан-Удэ, 29-30 июня 2016). – С. 116-118.
- 40.Цыбикова Б.-Х. Б. Особенности бытования легенд и преданий бурят Внутренней Монголии / Б.-Х. Б. Цыбикова // I Сибирский форум фольклористов: тезисы докладов. Новосибирск: Академиздат, 2016. – С. 72-74.
- 41.Цыбикова Б.-Х. Б. Сравнительная характеристика разновременных записей текстов о Шоно баторе / Б.-Х. Б. Цыбикова // Монгол судлалын

- чуулган. Эрдэм шинжэлгээний сэтгүүл (Forum of Mongolian Studies. Works in Research). – 2017(1), Vol. 22 (57), p. 76-81.
42. Цыбикова Б.-Х. Б. Несказочная проза из фондов Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН / Б.-Х. Б. Цыбикова // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора. – Санкт-Петербург–Улан-Батор, 2017. – С. 94-95.
43. Цыбикова Б.-Х. Б. Особенности бытования легенд и преданий бурят Внутренней Монголии / Б.-Х. Б. Цыбикова // Языки и фольклор коренных народов Сибири, 2017, № 1 (Вып. 32). – С. 5-10.
44. Цыбикова Б.-Х. Б. Сюжетно-тематическая характеристика мифологических рассказов бурят / Б.-Х. Б. Цыбикова // Актуальные мировые тренды развития социально-гуманитарного знания: сб-к научных трудов по материалам международной научно-практической конференции 30 июня 2017 г.: в 3 ч. / Под общей ред. Ж.А. Шаповал. – Белгород: ООО АПНИ, 2017. – Часть I, С. 31-39.
45. Цыбикова Б.-Х. Б. Устные рассказы бурят с мифологической основой / Б.-Х. Б. Цыбикова // Мир Центральной Азии – 4: сб. науч. ст. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. – С. 472-476.
46. Цыбикова Б.-Х. Б. Несказочная проза бурят: специфика жанра / Б.-Х. Б. Цыбикова // Языки и фольклор коренных народов Сибири, 2018, № 1(35). – С 76-81.
47. Цыбикова Б.-Х. Б. Устные рассказы бурят в записи Б. Барадина (архивные источники) / Б.-Х. Б. Цыбикова // Культура Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – 166 с. – С. 80-93.
48. Цыбикова Б.-Х. Б. Соотношение мифа и истории в устных рассказах бурят / Б.-Х. Б. Цыбикова // Найдаковские чтения-4. Тюрко-монгольский мир. Гуманитарные исследования: сб. науч. ст. /отв. ред.

- Л.С. Дампилова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – 245 с. – С. 158-160.
- 49.Цыбикова Б.-Х. Б. Древние представления о картине мира в мифологических рассказах бурят / Б.-Х. Б. Цыбикова // International Altay communities symposium-VII. – Улан-Батор, 2018. – С. 13.
- 50.Цыбикова Б.-Х. Б. Мифологический пласт в устных произведениях несказочной прозы бурят / Б.-Х. Б. Цыбикова, О. Мягмарсурэн // Республике Бурятия – 95 лет: сб. науч. ст. / науч. ред. Б.В. Базаров – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – 344 с. – С. 282-283.
- 51.Цыбикова Б.-Х. Б. Мифологические сюжеты в устных рассказах С.Н. Эрдэни / Б.-Х. Б. Цыбикова // Монгол судлалын чуулган, Улаанбаатар, 2019, № 26(61), с. 187-190.
- 52.Цыбикова Б.-Х. Б. Мифологическое содержание устных рассказов бурят (по материалам экспедиции 2018 года) / Б.-Х. Б. Цыбикова // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. IV международный конгресс средневековой археологии евразийских степей, посвященный 100-летию российской академической археологии. Кн.1. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. – С. 239-241.
- 53.Цыбикова Б.-Х. Б. Сохранение родного языка в полиэтнических общностях (анализ опыта бурят Внутренней Монголии Китая) / Б.-Х. Б. Цыбикова // Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование. Улан-Удэ, 2019, с. 205-207.
- 54.Цыбикова Б.-Х. Б. Традиционное воспитание бурят (по материалам фольклорной экспедиции 2018 года) / Б.-Х. Б. Цыбикова // «Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и пространстве», III международный научный форум. – Элиста: Изд-во Калмыцкого госуниверситета, 2019. – с. 372-375.

- 55.Цыбикова Б.-Х. Б. Мифологические персонажи в устных рассказах бурят Внутренней Монголии Китая / Б.-Х. Б. Цыбикова // Эпос «Гэсэр» — духовное наследие народов Центральной Азии: сб. науч. ст. / отв. ред. Б.В. Базаров. — Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2020 — С. 198-202.
- 56.Цыбикова Б.-Х. Б. Язык и стиль устной прозы бурят (на материале полевых записей последних лет) / Б.-Х. Б. Цыбикова // Мир Центральной Азии – V: сб. науч. ст. – Новосибирск: СО РАН, 2022. – С. 474-476.
- 57.Цыбикова Б.-Х. Б. Специфика нового полевого материала в корпусе тома по несказочной прозе бурят / Б.-Х. Б. Цыбикова // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022, № 1 (вып. 43). С. 32-38.
- 58.Цыбикова Б.-Х. Б. Язык устных нарративов бурят России, Китая, Монголии / Б.-Х. Б. Цыбикова // Буриад судлал. XI боть № 11(011). – Улаанбаатар, 2022. – С. 133-137.
- 59.Цыбикова Б.-Х. Б. Устная проза бурят как исторический нарратив / Б.-Х. Б. Цыбикова // Культура Центральной Азии: письменные источники. – 2022. – № 15. – С. 157-167.
- 60.Цыбикова Б.-Х. Б. Традиционный фольклор в бурятских диаспорах Китая и Монголии / Б.-Х. Б. Цыбикова // Mongolica. – Т. XXVI. – 2023. – Вып. 1. – с. 73-79.
- 61.Цыбикова Б.-Х. Б. Локальные особенности устных нарративов бурят о Шоно баторе / Б.-Х. Б. Цыбикова // Культурное наследие монголов: Рукописные и архивные собрания. Сб. докладов V междунар. науч. конференции. – СПб.-Улан-Батор. – 2023. – с. 172-184.
- 62.Цыбикова Б.-Х. Б. Эпическое наследие хори-бурят: трансляция во времени и пространстве / Б.-Х. Б. Цыбикова // Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв.: сб. науч. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. – 2023. – С. 364-366.

63.Цыбикова Б.-Х. Б. Локальные особенности эпического материала бурят Монголии / Б.-Х. Б. Цыбикова // Россия и монгольский мир в пространстве трансграничья: фольклор, история и язык. Элиста. – 2023. – С. 43-47.